

Метро 2034

Автор:

Дмитрий Глуховский

Метро 2034

Дмитрий Алексеевич Глуховский

Метро #2

«Метро 2033» – один из главных бестселлеров последних лет. 300 000 купленных книг. Переводы на десятки иностранных языков. Титул лучшего дебюта Европы. «Метро 2034» – долгожданное продолжение этого романа. Всего за полгода число читателей «Метро 2034» в Интернете достигло полумиллиона человек. Западные издательства купили права на «Метро 2034» даже до того, как роман был дописан.

...2034 год. Весь мир разрушен ядерной войной. Крупные города стерты с лица Земли, о мелких ничего не известно. Остатки человечества коротают последние дни в бункерах и бомбоубежищах, самое большое из которых – Московский Метрополитен.

Все, кто оказался в нем, когда на столицу падали боеголовки ракет, спаслись. Для уцелевших после Судного дня метро стало новым Ноевым ковчегом. Поверхность планеты заражена радиацией и населена чудовищами. Отныне жизнь возможна только под землей.

Станции превратились в города-государства, а в туннелях властвуют тьма и страх. Жители Севастопольской, маленькой подземной Спарты, ценой невероятных усилий выживают на своей станции и обороняют ее.

Но однажды Севастопольская оказывается отрезанной от большого метро, всем ее обитателям грозит гибель. Чтобы спасти людей, нужен настоящий герой...

Дмитрий Глуховский

Метро 2034

Автор благодарит Ларису Смирнову, Елену Фуксину, Сергея Козина, Юрия Тимофеева, а также пресс-службу Московского метрополитена за помощь в создании этой книги.

Пролог

2034 год.

Весь мир лежит в руинах. Человечество почти полностью истреблено. Радиация делает полуразрушенные города непригодными для жизни. А за их пределами, по слухам, начинаются бесконечные выжженные пустыни и дебри мутировавших лесов. Но никто не знает наверняка, что там.

Цивилизация угасает. Память о былом величии человека обрастает небылицами и превращается в легенды. Со дня, когда последний самолёт оторвался от земли, минуло больше двадцати лет. Изъеденные ржавчиной железные дороги ведут в никуда. Стройки века, так и не доведенные до конца, превратились в развалины. Радиоэфир пуст, и связисты слышат только унылое завывание, в миллионный раз настраиваясь на частоты, на которых раньше вещали Нью-Йорк, Париж, Токио и Буэнос-Айрес.

Минуло всего двадцать лет с того, как это произошло. Но человек больше не хозяин Земли. Создания, рожденные радиацией, приспособлены к новому миру

куда лучше него. Эпоха человека подошла к концу.

Тех, кто отказывается в это верить, совсем немного – всего несколько десятков тысяч. Они не знают, спасся ли кто-то еще, или они – последние люди на планете. Они живут в Московском метро – самом большом из когда-либо построенных противоатомных бомбоубежищ. В последнем убежище человечества.

Все они оказались в метро в тот день, и это спасло им жизнь. Герметические затворы защищают их от радиации и чудовищ с поверхности, изношенные фильтры очищают воду и воздух. Собранные умельцами динамо-машины вырабатывают электричество, на подземных фермах выращивают шампиньоны и свиней.

Центральная система управления распалась уже давно, и станции превратились в карликовые государства. Люди на них сплываются вокруг идей, религий или просто фильтров для воды.

Это мир без завтрашнего дня. В нём нет места мечтам, планам, надеждам. Чувства здесь уступают место инстинктам, главный из которых – выжить. Выжить любой ценой.

Предысторию событий, описываемых в этой книге, читайте в романе «Метро 2033».

Глава первая

Оборона Севастопольской

Они не вернулись ни во вторник, ни в среду, ни даже в четверг, оговоренный как крайний срок. Первый блокпост нес дежурство круглосуточно, и если бы дозорные услышали хоть эхо призывов о помощи, заметили бледный отблеск луча на влажных темных стенах туннеля, вперед, к Нахимовскому проспекту был

бы немедленно выслан ударный отряд.

Напряжение нарастало с каждым часом. Лучшие бойцы, превосходно экипированные и специально подготовленные именно для таких заданий, не смыкали глаз ни на секунду. Колода карт, за которой короталось время от тревоги до тревоги, уже вторые сутки пылилась в ящике стола в караулке. Обычная болтовня сменилась тихими встревоженными разговорами, те – тяжелым молчанием: каждый надеялся первым услышать эхо шагов возвращающегося каравана. Слишком уж многое от него зависело.

Севастопольская была превращена ее жителями, любой из которых – от пятилетнего мальчишки до древнего старика – умел обращаться с оружием, в неприступный бастион. Ощетинившаяся пулеметными гнездами, шипами колючей проволоки, даже сваренными из рельсов противотанковыми ежами, эта станция-крепость – казалось бы, совершенно неуязвимая, – могла пасть в любую минуту.

Ее ахиллесовой пятой была постоянная нехватка боеприпасов.

Столкнувшись с тем, что приходилось ежедневно выдерживать обитателям Севастопольской, жители любой другой станции наверняка и не подумали бы ее оборонять, бежав оттуда, как крысы из затапливаемого туннеля. Даже могущественная Ганза – союз станций Кольцевой линии, – подсчитав все расходы, вряд ли решилась бы бросить необходимые силы на защиту Севастопольской. Да, ее стратегическое значение было велико, но все же игра не стоила свеч.

Электроэнергия действительно была очень дорога. Достаточно дорога, чтобы севастопольцы, построившие одну из самых крупных гидроэлектростанций в метро, на доходы от ее поставок Ганзе ящиками заказывали боеприпасы и все-таки оставались в прибыли. Однако многим из них приходилось расплачиваться не только патронами, но и своими искалеченными, оборванными жизнями.

Грунтовые воды, благословение и проклятие Севастопольской, обтекали ее со всех сторон, словно воды Стикса – утлую барку Харона. Они вращали лопасти десятков водяных мельниц, сооруженных местными самоучками в туннелях, гротах, подземных руслах – всюду, куда могли добраться инженерно-разведывательные группы, давая свет и тепло самой станции и еще доброй

трети Кольца.

Они же неустанно подтачивали опоры, разъедали цемент спаек, убаюкивающе журчали совсем близко за стенами главного зала, пытаясь усыпить бдительность обитателей. Наконец, не позволяли взорвать лишние, неиспользуемые перегоны, откуда на Севастопольскую непрерывно, словно бесконечная ядовитая многоножка, заползающая в мясорубку, двигались орды кошмарных созданий.

Жители станции, команда этого несущегося по Преисподней призрачного фрегата, были навечно обречены искать и заделывать все новые пробоины, потому что их корабль давно дал течь, но пристани, где он мог бы обрести покой, просто не существовало.

И одновременно они должны были отражать атаку за атакой шедших на abordаж с Чертановской и Нахимовского проспекта чудовищ... Ползущих из вентиляционных шахт, просачивающихся вместе с мутными стремительными ручьями сквозь канализационные стоки, рвущихся из южных туннелей.

Казалось, весь мир ополчился против севастопольцев, не жалея никаких усилий для того, чтобы стереть их пристанище с карты метро. А они до последнего цеплялись за свою станцию, будто, кроме нее, у них ничего во Вселенной не оставалось.

Но какими бы искусными ни были местные инженеры, каких опытных и безжалостных бойцов ни воспитывала бы Севастопольская, они не могли уберечь свое жилище без патронов, без ламп для прожекторов, без антибиотиков и бинтов. Да, станция вырабатывала электричество, и Ганза была готова платить за него хорошую цену, но у Кольца были и другие поставщики, и собственные источники, а севастопольцы без подпитки извне вряд ли продержались бы даже месяц. А страшнее всего было остаться без боеприпасов.

Хорошо охраняемые караваны уходили к Серпуховской каждую неделю, чтобы на открытый у ганзейских купцов кредит закупить все необходимое и, не задерживаясь ни на час, отправиться домой. И пока вращалась Земля, пока текли подземные реки и держались возведенные метростроевцами своды, порядок не должен был меняться.

Но на этот раз караван задерживался. Задерживался непозволительно долго, так что уже становилось ясно: произошло нечто ужасное, непредвиденное, от чего не сумели защитить ни закаленные в боях тяжеловооруженные конвоиры, ни годами налаживавшиеся отношения с руководством Ганзы.

И все бы ничего, если бы действовала связь. Однако с идущим к Кольцу телефонным проводом что-то случилось, сообщение прервалось еще в понедельник, а отправленная на поиски поломки бригада вернулась ни с чем.

* * *

Лампа под широким зеленым абажуром свисала совсем низко над круглым столом, освещая пожелтевшие листы бумаги с нарисованными карандашом графиками и диаграммами. Лампочка была слабая, ватт сорок, но не потому что приходилось экономить электричество, а оттого что хозяин кабинета не любил яркий свет. Пепельница, переполненная окурками дрянных местных самокруток, сочилась едким сизым дымом, собиравшимся под низким потолком комнаты в ленивые вязкие клубы.

Начальник станции потер лоб и, вскинув руку, посмотрел единственным глазом на циферблат – в пятый раз за последние полчаса. Потом хрустнул пальцами и грузно поднялся.

– Надо принимать решение. Оттягивать дальше нет смысла.

Крепкий старик в пятнистом бушлате и истертом голубом берете, сидевший за столом напротив, открыл было рот, но закашлялся и замахал рукой, разгоняя дым. Потом, недовольно морщась, отозвался:

– Ну, давай я тебе еще раз повторю, Владимир Иванович: с южного направления мы никого снять не можем. Блокпосты под таким натиском, что еле держатся. За последнюю неделю там трое раненых, один тяжелый – и это несмотря на укрепления. Ослабить юг я тебе не дам. Туда же еще постоянно нужны и две тройки разведчиков – патрулировать шахты и межлинейники. Ну, а север – кроме тех бойцов из встречающей бригады, свободных нет, извиняйте. Ищи, где хочешь.

– Ты командир периметра, ты и ищи, – огрызнулся начальник. – А я своими делами заниматься буду. Но через час группа уже должна выйти. Ты пойми, мы с тобой разными категориями мыслим. Нельзя же решать только сиюминутные задачи! А если там что-то серьезное?

– А я думаю, Владимир Иванович, ты порешь горячку. Калибра 5.45 в арсенале два цинка невскрытых, на полторы недели точно хватит. И у меня дома под подушкой завалялось еще, – старик усмехнулся, обнажая крепкие желтые зубы, – ящик точно наскребу. Беда не в патронах, а в людях.

– Давай-ка лучше я тебе скажу, в чем беда. Через две недели, если не наладить поставки, придется перекрывать гермозатворы в южных туннелях, потому что без боеприпасов мы их не удержим. Значит, не сможем осматривать и ремонтировать две трети наших мельниц. Еще через неделю они начнут выходить из строя. Перебои с электричеством в Ганзе никого не обрадуют. В лучшем случае они начнут искать других поставщиков. В худшем... Да что там электричество?! Туннели пустые уже пять дней почти, ни человека! А если там обрушение? А если прорыв? Если мы отрезаны теперь?

– Брось! Силовые кабели в норме. Циферки на счетчиках бегут, ток идет, Ганза потребляет. Было бы обрушение, ты бы сразу узнал. Даже если, положим, диверсия – нам бы не телефон обрезами, а провода наши. А насчет туннелей – кто сюда пойдет? К нам и в лучшие времена никто не заходил. Чего один Нахимовский проспект стоит... Одиночке там не прорваться, а чужие торговцы к нам уже не суются. Ну и бандиты, ясное дело, наслышаны, недаром же мы каждый раз одного живым отпускали. Я говорю, не паникуй.

– Хорошо тебе рассуждать, – проворчал Владимир Иванович, поднимая повязку над пустой глазницей и вытирая со лба выступивший пот.

– Тройку дам. Пока больше нельзя, правда, – уже мягче сказал старик. – И хватит курить. Знаешь же, что и мне этим дышать нельзя, и сам травмишься! Давай лучше чаю, что ли...

– Это всегда пожалуйста, – начальник потер руки. – Истомин у аппарата, – буркнул он в телефонную трубку, – чая мне и полковнику.

– И дежурного офицера вызови, – попросил командир периметра, снимая с головы берет. – Я распоряжусь по поводу тройки.

Чай у Истомина был всегда свой, с ВДНХ – особого, отборного сорта. Мало кто мог себе такое позволить – доставленный с другого края метро, трижды обложенный ганзейскими пошлинами, любимый чай начальника станции становился таким дорогим, что он и сам не стал бы потакать своим слабостям, если бы не старые связи на Добрынинской. С кем-то он там когда-то вместе воевал, и с тех пор раз в месяц командир возвращающегося от Ганзы каравана непременно привозил с собой яркий сверток, за которым Истомин всегда приходил сам.

Год назад с чаем этим начались перебои. До Севастопольской долетели тревожные слухи о новой, страшной угрозе, которая нависла над ВДНХ, а может, и надо всей оранжевой веткой: с поверхности туда спускались неизвестные и невиданные раньше мутанты, по слухам, умевшие читать мысли, почти невидимые и к тому же практически неистребимые. Поговаривали, что станция пала, и что Ганза, опасаясь вторжения, подорвала туннели за Проспектом мира. Цены на чай взлетели, потом он совсем было пропал, и Истомин был не на шутку встревожен. Однако через несколько недель страсти сами собой улеглись, и караваны, возвращавшиеся на Севастопольскую с патронами и лампами, снова повезли и знаменитый душистый чай. А что могло быть важнее?

Наливая командиру отвар в фарфоровую чашку со сколотой местами золотой каймой и вдыхая ароматный пар, Истомин от удовольствия даже зажмурил на миг свой глаз. После нацедил и себе, тяжело уселся на стул и зазвенел серебряной ложечкой, размешивая таблетку сахара.

Оба молчали, и с полминуты это меланхоличное позвякивание было единственным звуком, раздававшимся в затянутом табачным дымом полутемном кабинете. А потом его перекрыл, почти попадая в такт, летящий из туннелей надрывной колокольный набат.

– Тревога!

Командир периметра с невероятной для своих лет стремительностью сорвался с места и выскочил из комнаты. Где-то вдалеке хлопнул одинокий ружейный выстрел, потом его подхватили автоматы – один, другой, третий, по платформе

загрохотали подкованные солдатские сапоги, и уже откуда-то издалека донесся зычный полковничий бас, раскидывающий приказы.

Истомин тоже было потянулся к висящему у шкафа лоснящемуся милицейскому автомату, но потом схватился за поясницу, охнул, махнул рукой, вернулся за стол и прихлебнул чая. Напротив него дымилась, остывая, брошенная полковником чашка и валялся забытый впопыхах голубой берет. Начальник станции скорчил ему гримасу и вполголоса заспорил с бежавшим командиром, возвращаясь к прежним темам с новыми аргументами, о которых не догадался вспомнить во время перебранки.

* * *

На Севастопольской ходило немало мрачных шуток о том, почему соседняя Чертановская так называлась. Хотя мельницы электростанций были разбросаны далеко в туннелях между двумя станциями, никто и не помышлял о том, чтобы для удобства занять и освоить пустующую Чертановскую, как была присоединена до этого смежная Каховская. Инженерные группы, под прикрытием подбравшиеся к ней для установки и осмотра дальних генераторов, не решались приближаться к платформе ближе чем на сто метров. Выходя в такой поход, почти все, кроме самых отъявленных безбожников, украдкой крестились, а некоторые на всякий случай даже прощались с семьями.

Станция была нехорошая, и это чувствовал каждый, кто подходил к ней хотя бы на полкилометра. Тяжелые ударные отряды, которые севастопольцы по незнанию направляли раньше на Чертановскую, еще надеясь расширить свою территорию, возвращались потрепанными, ополовиненными, но чаще не возвращались вовсе. Бывалые бойцы, перепуганные до икоты, до стекающих по подбородку слюней, были не в силах справиться с ознобом, даже сидя так близко к костру, что начинала тлеть одежда. Они с трудом вспоминали то, что пришлось пережить, и никогда их воспоминания не были похожи друг на друга.

Считалось, что где-то за Чертановской боковые ответвления от основных туннелей ныряли вниз, вплетаясь в грандиозный лабиринт природных пещер, по слухам, кишевших всяческой нечистью. Это место на станции условно называли «Вратами» – условно, потому что никто из живых обитателей Севастопольской его никогда не видел. Правда, известен был случай, когда еще на заре освоения линии сами Врата вроде бы обнаружила большая разведгруппа, преодолевшая

Чертановскую. Группа несла с собой передатчик – что-то наподобие проводного телефона. По этому телефону связист и сообщил на Севастопольскую, что разведчики стоят на входе в уходящий почти вертикально вниз неширокий коридор. Больше он ничего передать не успел, но еще несколько минут, пока не порвался кабель, сгрудившееся вокруг переговорного устройства командование Севастопольской слушало, как один за другим обрываются истошные, полные ужаса и нечеловеческой боли вопли бойцов разведгруппы. Стрелять никто из них даже не пытался, словно каждому из погибающих было ясно, что обычное оружие не в состоянии защитить их. Последним замолк командир группы, наемник-головорез с Китай-города, собиравший коллекцию мизинцев своих врагов. Он, видимо, находился на некотором расстоянии от уроненной радиостом трубки, поэтому разобрать, что он говорил, было непросто; но, вслушавшись в его предсмертные всхлипывания, начальник станции узнал молитву – из простых, наивных, которым верующие родители учат маленьких детей.

После этого случая все попытки пробиться за Чертановскую были оставлены; собирались даже покинуть Севастопольскую и отходить к Ганзе. Однако проклятая станция, похоже, была тем самым пограничным столбом, который отмерял в метро пределы человеческих владений. Проникавшие за него создания порядком досаждали обитателям Севастопольской, но их хотя бы было можно убить, и при грамотно организованной обороне эти нападения отражались относительно легко и почти бескровно – покуда хватало боеприпасов.

Изредка к блокпостам подползали такие чудища, остановить которых удавалось только при помощи разрывных пуль и ловушек с высоковольтными разрядами. Но чаще дозорным все же приходилось иметь дело с тварями не столь пугающими, хотя и крайне опасными. Звали их здесь как-то по-гоголевски домашне: упырями.

– Вон еще один! Сверху, в третьей трубе!

Прожектор, сорвавшийся с потолочного крепления, дерганно, как висельник, болтался на одном проводе, поливая жестким белым светом пространство перед блокпостом, – то выхватывал притаившиеся в тенях скрюченные фигуры крадущихся мутантов, то снова прятал их во мраке, то заглядывал, слепя, в глаза дозорным. Вокруг гуляли, сжимаясь и тут же пружиня, перекашиваясь, кривляясь, неверные тени: люди отбрасывали звериные, чудовища – человеческие.

Блокпост был очень удобно расположен. Туннели в этом месте сходились – незадолго до последней войны Метрострой затеял реконструкцию, которая так и не была доведена до конца. На этом узле севастопольца соорудили настоящую маленькую крепость: две пулеметные точки, полутораметровой толщины укрытия из мешков с песком, ежи и шлагбаумы на рельсах, электрические ловушки на ближних подходах и тщательно продуманная система сигнализации. Но когда мутанты шли такой волной, как в тот день, казалось – еще немного, и оборона рухнет.

Пулеметчик что-то нудно бубнил, пуская носом кровавые пузыри и удивленно разглядывая свои мокрые багровые ладони. Воздух вокруг его заклинившего «Печенег» подрагивал от жара. Потом, всхрипнув, стрелок доверчиво уткнулся лицом в плечо своего соседа, могучего бойца в закрытом титановом шлеме, и притих. Через секунду впереди раздался душераздирающий визг: упырь атаковал.

Боец в шлеме приподнялся над бруствером, отодвинув навалившегося на него окровавленного пулеметчика, вскинул автомат и дал долгую очередь. Мерзкая жилистая бестия, обтянутая матово-серой кожей, уже метнулась вперед, расправив узловатые передние лапы и планируя сверху вниз на натянувшихся кожных складках. Двигались упыри с совершенно невообразимой скоростью, не оставляя замешкавшимся ни малейших шансов, поэтому дежурство в этом дозоре несли только самые ловкие и умелые.

Свинцовый хлыст перебил визг, но по инерции уже мертвый упырь продолжил падение: стокилограммовая туша глухо ударила в бруствер, выбив из мешков с песком облако пыли.

– Вроде все...

Казавшийся бесконечным поток тварей, всего пару минут назад хлеставший из подвешенных под потолком огромных спиленных труб, и в самом деле, иссяк. Дозорные стали осторожно выбираться из-за укреплений.

– Носилки сюда! Доктора! На станцию его срочно!

Убивший последнего упыря здоровяк прикрепил к стволу автомата штык-нож и неторопливо пустился в обход раскиданных по зоне огня убитых и раненых созданий, придавливая зубастую пасть каждой из них сапогом и нанося короткий, выверенный удар штыком в глаз. Потом устало прислонился спиной к мешкам, отвернулся лицом к туннелям, поднял, наконец, забрало шлема и приложился к фляге.

Подкрепление со стороны станции подоспело, когда все уже было решено. Добрался, трудно дыша и проклиная свои болячки, и командир периметра в расстегнутом солдатском бушлате.

– Ну, вот где я ему тройку достану? От сердца оторву?

– О чем вы, Денис Михайлович? – чуть не заглядывая командиру в рот, спросил один из дозорных.

– Истомин требует срочно отправить тройку разведчиков к Серпуховской. Беспокоится за караван. А откуда я ему еще тройку возьму? И вот ведь именно сейчас...

– О караване так ничего и не слышно? – не оборачиваясь, поинтересовался утешавший жажду.

– Ничего, – подтвердил старик. – Но ведь и времени еще не так много прошло. Что опаснее, в конце-то концов? Если мы юг сегодня оголим, через неделю этот караван будет некому встречать!

Боец качнул головой и замолчал. Не отозвался он и когда командир, поворчав еще несколько минут, спросил у оставшихся на посту дозорных, не хочет ли кто добровольцем войти в ту самую тройку, которую все же придется отрядить к Серпуховской, – иначе начальник станции, чтоб ему было неладно, проест старику всю плешь.

Трудностей с набором желающих не возникло – многие дозорные засиделись на месте, а представить себе что-то еще более опасное, чем оборона южных туннелей, им было нелегко.

Из шестерых вызвавшихся в этот поход полковник отобрал тех, в ком, по его мнению, Севастопольская на тот час нуждалась меньше всего. Мысль оказалась удачной, потому что из отправленной на Серпуховскую тройки на станцию больше никто никогда не вернулся.

* * *

Вот уже три дня, с тех самых пор, как разведчики ушли на поиски каравана, полковнику казалось, что за спиной у него шепчутся, и повсюду виделись косые взгляды. Даже самые оживленные беседы стихали, когда он проходил мимо разговаривавших. И в напряженном молчании, воцарявшемся везде, где бы он ни появлялся, ему чудилось невысказанное требование: объяснить и оправдаться.

Он просто делал свою работу: обеспечивал безопасность оборонного периметра Севастопольской. Он тактик, а не стратег. Когда каждый солдат был на счету, полковник просто не имел права разбрасываться ими, рассылая на сомнительные, если не бессмысленные задания.

Три дня назад полковник был в этом искренне убежден. Но теперь, когда всякий испуганный, неодобрительный, сомневающийся взгляд стегал его по спине, его уверенность пошатнулась. Идущей налегке разведгруппе не потребовалось бы и суток, чтобы проделать весь путь к Ганзе и обратно – и это с учетом возможных боев и ожидания на границах независимых полустанков. Значит...

Приказав никого к себе не пускать, полковник заперся в своей комнатухе и забормотал себе под нос, в сотый раз перебирая варианты того, что могло случиться с торговцами и разведкой.

Людей на Севастопольской не пугали, разумеется, за исключением армии Ганзы. Дурная слава о станции, многократно перевранные истории нескольких очевидцев о том, какой ценой ее обитателям дается выживание, подхваченные челноками и любителями послушать их байки, распространялись по метро, делая свое дело. Быстро сообразив, какая от этой репутации польза, начальство станции приложило к ее укреплению свою руку. Информаторы и караванщики, путешественники и дипломаты были официально благословлены врать, да пострашнее, про Севастопольскую, и вообще про весь начинавшийся за Серпуховской отрезок линии.

Разглядеть за этой дымовой завесой привлекательность и истинную значимость станции могли лишь единицы. Всего пару раз за последние годы несведущие бандиты пробовали силой прорваться через блокпосты, но превосходно отлаженная севастопольская военная машина без малейших сложностей перемалывала разрозненные отряды.

Как бы то ни было, ушедшая в разведку тройка была четко проинструктирована в случае выявления угрозы не вступать с противником в столкновение, а как можно скорее возвращаться назад.

Была, конечно, Нагорная – место не такое скверное, как Чертановская, но все же очень опасное, зловещее. И Нахимовский проспект, заклинившие верхние гермозатворы которого не позволяли полностью оградить станцию от проникновений с поверхности. Подрывать выходы севастопольцы не хотели: нахимовским «подъемом» пользовались местные сталкеры. В одиночку через Проспект, как его звали на станции, никто ходить не отваживался, но не бывало еще случая, чтобы тройка не могла дать отпор водившимся там тварям.

Обрушение? Прорыв грунтовых вод? Диверсия? Необъявленная война с Ганзой? Теперь он, а не Истомин, обязан был дать ответ женам пропавших разведчиков, приходящим к полковнику, чтобы тоскливо и ищуще, словно брошенные собаки, заглянуть ему в глаза в надежде увидеть в них обещание, утешение. Он должен был все объяснить не задающим лишних вопросов, пока еще верящим в него солдатам гарнизона. Успокоить всех встревоженных, собирающихся вечерами, после работы, у станционных часов, которые засекли время выхода каравана.

Истомин говорил, что в последние дни у него все чаще спрашивали, отчего на станции приглушили освещение, и требовали включить лампы на прежнюю мощность. А ведь ослаблять напряжение никто и не думал, светильники и так горели в полную силу. Тьма сгущалась не на станции, а в человеческих душах, и даже самые яркие ртутные лампы не могли ее разогнать.

Восстановить телефонное сообщение с Серпуховской так и не удалось, и за ту неделю, которая прошла со дня выхода каравана, полковник, как и многие другие севастопольцы, потеряли очень важное, редкое для обитателей метро чувство близости к людям.

Пока работала связь, пока караваны ходили регулярно и до Ганзы было меньше дня пути, каждый из живущих на Севастопольской был волен уйти или остаться, каждый знал, что всего в пяти перегонах от их станции начиналось настоящее метро, цивилизация... Человечество.

Так, наверное, раньше чувствовали себя заброшенные в Арктику полярники, ради научных изысканий или высоких заработков добровольно обрекавшие себя на долгие месяцы борьбы с холодом и одиночеством. До большой земли – тысячи километров, и все же она где-то рядом, покуда действует радио, а раз в месяц над головами слышится гул моторов самолета, сбрасывающего на парашютах ящики с тушенкой.

Но теперь льдина, на которой стояла их станция, откололась, и ее с каждым часом уносило все дальше – в ледяную пургу, в черный океан, в пустоту и неизвестность.

Ожидание затягивалось, и смутное беспокойство полковника за судьбу посланных к Серпуховской разведчиков постепенно превращалось в мрачную уверенность: этих людей он больше никогда не увидит. Снимать с оборонного периметра трех новых бойцов, чтобы точно так же швырнуть их навстречу неведомой опасности, а вполне возможно – и верной гибели, так и не найдя при этом выхода из положения, он просто не мог себе позволить. Опускать гермоворота, перекрывать южные туннели и собирать большую ударную группу ему все же казалось преждевременным. Если бы только кто-нибудь принял сейчас решение за него... Решение, которое обречено оказаться неверным.

Командир периметра вздохнул, приоткрыл дверь и, воровато оглянувшись, подзвал часового.

– Папироской не угостишь? Но эта – крайняя, больше мне не давай, как бы ни просил! И не говори никому, ладно?

* * *

Надя, кряжистая говорливая тетка в дырявом пуховом платке и измазанном переднике, принесла горячую кастрюлю с мясом и овощами, и дозорные оживились. Картошка и огурцы с помидорами считались здесь самым

изысканным деликатесом: кроме Севастопольской, овощами могли попотчевать разве что в паре лучших ресторанов Кольца или Полиса. Дело было не только в сложных гидропонических установках, необходимых для выращивания сбереженных семян, но и в том, что мало кто в метро мог растрачивать киловатты электричества, чтобы разнообразить солдатское меню.

Даже на стол к начальству овощи попадали лишь по праздникам, обычно же ими баловали только детей. Истомину пришлось изрядно поспорить с поварами, чтобы убедить их добавить вареной картошки и по помидору к полагающейся по нечетным числам свинине – для поддержания боевого духа.

Затея сработала: стоило Наде, по-бабски неловко скинув с плеча автомат, приподнять крышку кастрюли, как морщины на лицах дозорных стали разглаживаться. Под такой ужин продолжать набившие оскомину разговоры о сгинувшем караване и задерживающейся разведгруппе не хотелось.

– Сегодня вот целый день почему-то о Комсомольской вспоминаю, – сказал, разминая картошку в своей алюминиевой миске, седой старик в ватнике с метрополитеновскими лычками. – Вот бы попасть, посмотреть... Какая там мозаика! На мой вкус, самая красивая станция в Москве.

– Да брось, Гомер, небось, ты просто жил там, вот и любишь ее до сих пор, – немедленно отозвался небритый толстяк в ушанке. – А на Новослободской витражи? А на Маяковской – колонны такие воздушные и фрески на потолке?

– Мне Площадь революции всегда нравилась, – стеснительно признался снайпер, тихий серьезный мужчина в годах. – Сам знаю, что глупости, но вот все эти суровые матросы и летчики, пограничники с собаками... С детства обожал эту станцию!

– А чего это глупости? Там очень даже симпатичные мужички в бронзе изображены, – поддержала его Надя, соскребая остатки со дна кастрюли. – Эй, бригадир, смотри, без ужина останешься!

Сидевший особняком высокий плечистый боец неторопливо приблизился к костру, забрал свою порцию и вернулся на прежнее место – поближе к туннелю, подальше от людей.

– Он вообще на станции появляется? – шепотом спросил толстяк, кивая на тонущую в полумраке широченную спину.

– Больше недели безвылазно здесь сидит, – так же тихо ответил снайпер. – Ночует в спальнике. Как у него только нервы выдерживают... Хотя, может, ему просто нравится это дело. Три дня назад, когда упыри чуть Рината не загрызли, он потом ходил и добивал их. Вручную, минут пятнадцать. Возвращается – сапоги все в кровище, автомат тоже... Довольный.

– Не человек, а машина... – вставил долговязый пулеметчик.

– Я с ним даже спать рядом побаиваюсь. Видел, что у него с лицом? Я ему и в глаза посмотреть-то не могу.

– А я, наоборот, только с ним себя спокойно и чувствую, – пожал плечами старик, которого называли Гомером. – Да что вы к нему привязались? Он хороший человек, покалеченный только. Это в станциях красота важна. А Новослободская твоя, кстати, полная безвкусица! Такие витражи на трезвую голову смотреть невозможно... Тоже мне, витражи!

– А мозаика на колхозную тему в полпотолка – не безвкусица?!

– И где ты нашел на Комсомольской такие панно?

– Да все это чертово советское искусство либо про колхозную жизнь, либо про летчиков-героев! – разошелся толстяк.

– Сережа, не трогай летчиков, – предупредил снайпер.

– И Комсомольская – дрянь, и Новослободская – дерьмо, – слышался глухой низкий голос.

От неожиданности толстяк поперхнулся заготовленными словами и уставился на бригадира. Остальные тоже сразу затихли, ожидая продолжения: тот почти никогда не принимал участия в их разговорах, даже на прямые вопросы отвечая совсем коротко или не отвечая вовсе.

Он так и сидел к ним спиной, не спуская глаз с жерла туннеля.

– На Комсомольской своды слишком высокие, колонны тонкие, вся платформа с путей простреливается – как на ладони, и переходы перекрывать неудобно. А на Новослободской все стены в трещинах, сколько они их ни замазывают. Одной гранаты хватит, чтобы похоронить всю станцию.

И витражей там уже давно нет. Полопались.

Хрупкая штука.

Возразить никто не осмелился. Помолчав немного, бригадир бросил:

– Я иду на станцию. Гомера беру с собой. Смена будет через час. Артур остается за старшего.

Снайпер зачем-то вскочил и кивнул, хотя бригадир этого видеть не мог. Старик тоже поднялся и стал суетливо собирать разложенные вокруг пожитки в вещмешок, так и не доев свою картошку. К костру боец подошел уже при полном походном снаряжении, в своем обязательном шлеме и с объемистым рюкзаком за плечами.

– Удачи.

Глядя на две удаляющиеся по освещенному перегону фигуры – могучую бригадирскую и сухонькую Гомера, снайпер зябко потер руки и поежился.

– Что-то похолодало. Подкиньте угольку, а?

За всю дорогу бригадир не проронил почти ни слова, уточнил только – правда ли, что Гомер раньше был помощником машиниста, а до того – простым обходчиком путей. Старик посмотрел на него подозрительно, но отпираться не стал, хотя на Севастопольской он всем всегда говорил, что дослужился до машиниста, а про свою работу обходчиком вообще предпочитал не распространяться, считая ее того недостойной.

В кабинет начальника станции бригадир вошел без стука, сухо отдав честь расступившимся караульным. Ему навстречу удивленно поднялись из-за стола Истомин и полковник – всклокоченные, усталые, растерянные. Гомер робко замер у входа, переминаясь с ноги на ногу.

Бригадир стащил и поставил прямо на истоминские бумаги свой шлем, провел рукой по выбритой наголо макушке. В свете лампы стало видно, как страшно обезображено его лицо: левая щека перепахана и стянута огромным шрамом, словно от ожога, глаз превратился в узкую щель, к уголку губ от уха ползет, извиваясь, толстый лиловый рубец. Хотя Гомер и считал, что привык уже к этому лицу, сейчас, как и впервые, когда он его увидел, изнутри защекотал противный холодок.

– Я сам пойду к Кольцу, – не здороваясь, выстрелил бригадир.

В комнате повисло тяжелое молчание. Гомер и раньше слышал, что бригадир, будучи незаменимым бойцом, имел особые отношения с начальством станции. Но только теперь он начал понимать, что, в отличие от всех остальных севастопольцев, бригадир дозора, кажется, вообще не подчинялся руководству.

Вот и сейчас он словно не ждал одобрения от этих двух пожилых, утомленных мужчин, а отдавал им приказ, который они обязаны были выполнить. И Гомер, – в который раз – спросил себя: что же это за человек?

Командир периметра переглянулся с начальником, насупился, собираясь возразить, но лишь обреченно махнул рукой.

– Решай сам, Хантер... Тебя все равно не переспоришь.

Глава вторая

Возвращение

Жавшийся у входа старик насторожился: этого имени ему раньше на Севастопольской слышать не приходилось. Не имя даже, а кличка – как и у него самого – никакого, разумеется, не Гомера, а самого заурядного Николая Ивановича, нареченного именем греческого мифотворца уже тут, на станции, за свою неумную любовь ко всяческим историям и слухам.

...«Ваш новый бригадир», – сказал полковник дозорным, с хмурым любопытством оглядывавшим плечистого новичка в кевларе и тяжелом шлеме. Тот, пренебрегая этикетом, равнодушно отвернулся от них: туннель и укрепления, похоже, интересовали его куда больше, чем вверенные ему люди. Подошедшим знакомиться подчиненным протянутые руки сдавил, но сам представляться не стал. Молча кивал, запоминая очередное прозвище, и пыхал в лицо синей папиросной гарью, обозначая дистанцию. В тени приподнятого забрала мертвенно, тускло поблескивал окантованный шрамами глаз-бойница. Настаивать никто из дозорных ни тогда, ни позже не отважился, и вот уже два месяца его называли просто «бригадиром». Решили, что станция раскошелилась на одного из тех дорогостоящих наемников, что вполне обходятся без прошлого и без имени.

Хантер.

Гомер беззвучно пожевал странное слово на губах. Больше подходит для среднеазиатской овчарки, чем для человека. Он тихонько сам себе улыбнулся: надо же, помнит еще, что были такие собаки. Откуда это все в голове берется? Бойцовая порода, с куцым обрубленным хвостом и срезанными под самый череп ушами. Ничего лишнего.

А имя, если повторять его про себя долго, начинало казаться неуловимо знакомым. Где же он мог слышать его раньше? Влекомое бесконечным потоком сплетен и баек, оно некогда зацепило его чем-то и осело на самое дно памяти. А сверху уже нанесло толстый слой ила: названия, факты, слухи, цифры – все эти бесполезные сведения о жизни других людей, которые Гомер с таким любопытством слушал и так усердно старался запомнить.

Хантер... Может быть, рецидивист, за голову которого Ганза объявила награду? Старик бросил пробный камень в омут своего склероза и прислушался. Нет, мимо. Сталкер? Не похоже. Полевой командир? Ближе. И, вроде бы, даже легендарный...

Гомер еще раз исподтишка глянул на бесстрастное, будто парализованное лицо бригадира. Его собачье имя ему все же удивительно шло.

– Мне нужна тройка. Возьму Гомера, он знает здешние туннели, – не оборачиваясь к старику и не спрашивая его согласия, продолжал бригадир. – Еще одного можете дать по своему усмотрению. Ходока, курьера. Пойду сегодня же.

Истомин суетливо дернул головой, одобряя, потом, опомнившись, вопросительно поднял глаза на полковника. Тот, насупленный, тоже буркнул, что не имеет ничего против, хоть все эти дни и сражался так отчаянно с начальником станции за каждого свободного бойца. С Гомером советоваться, похоже, никто не собирался, но он и не думал спорить: несмотря на свой возраст, старик никогда еще не отказывался от подобных заданий. И на это у него были свои причины.

Бригадир оторвал от стола свой пудовый шлем и двинулся к выходу. Задержавшись на миг в дверях, бросил Гомеру:

– С семьей попрощайся. Собирайся надолго. Патронов не бери, я выдам, – и канул в проеме.

Старик подался, было, за ним, надеясь хотя бы в общих словах услышать, к чему предстоит готовиться в этом походе. Но когда он появился на платформе, Хантер был уже в десятке своих широких шагов, и догонять его Гомер не стал, а только покачал головой, провожая взглядом.

Вопреки обычному, бригадир остался с непокрытой головой: забыл, задумавшись о другом, или, может, сейчас ему не хватало воздуха. И когда он миновал стайку бездельничающих в обеденный перерыв молоденьких свинок, вслед ему бездельно зашуршало: «Ой, девочки, надо же, какой урод!».

* * *

– Где ты его только выкопал? – облегченно обмякнув на стуле и протягивая пухлую ладонь к пачке нарезанной папиросной бумаги, спросил Истомин.

Говорят, листья, которые с таким удовольствием курили на станции, сталкеры собирали на поверхности где-то чуть ли не в районе Битцевского парка. Как-то раз полковник шулки ради поднес к пачке «табака» дозиметр; тот и вправду принялся нехорошо пощелкивать. Старик бросил курить в одночасье, и кашель, терзавший его по ночам, страдая раком легких, стал понемногу отступать. Истомин же в историю о радиоактивных листьях верить отказался, не без резона напомнив Денису Михайловичу, что в метро в той или иной степени «светится» все, за что ни возьмись.

– Старые знакомства, – нехотя отозвался полковник; помолчав, довесил: – Раньше он таким не был. Что-то произошло с ним.

– Да уж, судя по его физиономии, что-то с ним определенно произошло, – хмыкнул начальник и тут же оглянулся на вход, словно Хантер мог задержаться и случайно его подслушать.

Командиру защитного периметра грех было жаловаться на то, что бригадир нежданно вернулся из холодного тумана прошлого. Едва появившись на станции, он превратился чуть ли не в главную точку опоры этого периметра. Но до конца поверить в его возвращение Денис Михайлович не мог до сих пор.

Известие о гибели Хантера – страшной и странной – туннельным эхом облетело метро еще в прошлом году. И когда два месяца назад он возник на пороге полковничьей каморки, тот поспешно перекрестился, прежде чем отпереть ему дверь. Подозрительная легкость, с которой воскресший преодолел блокпосты – будто пройдя сквозь бойцов, – заставляла сомневаться в том, что чудо это было благое.

В запотевшем дверном глазке виднелся вроде бы знакомый профиль: бычья шея, выскобленный до блеска череп, чуть приплюснутый нос. Но ночной гость отчего-то застыл вполоборота, опустив голову и не делая попыток разредить загустевшую тишину. Укоризненно посмотрев на откупоренную бутылку браги, стоявшую на столе, полковник вдохнул поглубже и отодвинул засов. Кодекс предписывал помогать своим – не проводя различий между живыми и мертвыми.

Хантер оторвал взгляд от пола, только когда дверь распахнулась; стало ясно, отчего он прятал вторую половину своего лица. Боялся, что старик его просто не узнает. Даже навидавшийся всякого полковник, для которого командование

гарнизона Севастопольской было просто почетной пенсией в сравнении с прежними бурными годами, увидев его, поморщился, словно обжегшись, а потом виновато рассмеялся – прости, не сдержался.

Гость в ответ даже не улыбнулся. За прошедшие месяцы жестокие шрамы, обезобразившие его лицо, успели немного поджить, но прежнего Хантера он старику все равно почти ничем не напоминал.

Объяснять свое чудесное спасение и последующее отсутствие он наотрез отказался, и на все вопросы полковника попросту не откликался, будто не слыша их. Хуже того, попросил Дениса Михайловича никому о своем появлении не сообщать – предъявил к оплате старый долг. Тому пришлось придушить здравый смысл, требовавший немедленно известить старших, и оставить Хантера в покое.

Впрочем, справки старик осторожно навел. Гость его ни в чем замешан не был, и никто его, давно оплаканного, уже не разыскивал. Тело, правда, так и не было обнаружено, но, выживи Хантер, он непременно дал бы о себе знать, уверенно сказали полковнику. Действительно, согласился он.

Зато, как это часто случается с бесследно пропавшими, Хантер, а вернее, его размытый и приукрашенный образ, всплыл в добром десятке полуправдивых мифов и сказаний. Похоже, эта роль его вполне устраивала, и разубеждать похоронивших его заживо товарищей он не спешил.

Помня о своих неоплаченных счетах и сделав верные выводы, Денис Михайлович утихомирился и даже стал подыгрывать: при посторонних Хантера по имени не называл, и, не вдаваясь в детали, приобщил к тайне Истомина.

Тому было, в общем, все равно: свою похлебку бригадир отрабатывал с лихвой, днюя и ночуя на передовой, в южных туннелях. На станции его почти не было заметно: приходил раз в неделю, в свой собственный банный день. И пусть даже он забрался в это пекло только ради того, чтобы спрятаться там от неведомых преследователей – Истомина, никогда не брезговавшего услугами легионеров с темной биографией, это не смущало. Лишь бы только дрался; а уж с этим все было в порядке.

После первого же боя роптавшие дозорные, недовольные высокомерием нового командира, примолкли. Единожды увидев, как он методично, расчетливо, с нечеловеческим холодным упоением уничтожает все дозволенное к уничтожению, каждый из них что-то для себя о нем понял. Сдружиться с нелюдимым бригадиром больше никто не пытался, но подчинялись ему беспрекословно, так что свой глухой, надорванный голос он никогда не повышал. Было в этом голосе что-то гипнотическое, и даже начальник станции принимался покорно кивать каждый раз, когда Хантер к нему обращался – даже не дослушав его до конца, просто так, на всякий случай.

Впервые за последние дни воздух в истоминском кабинете стал легче – будто здесь только что разразилась и миновала беззвучная гроза, принеся долгожданную разрядку. Спорить больше было не из-за чего. Лучшего бойца, чем Хантер, не существовало; если и он сгинет в туннелях, севастопольцам останется только одно.

– Я распоряжусь о подготовке операции? – первым предложил полковник, зная, что начальник станции все равно заговорит об этом.

– Трех суток тебе должно хватить, – Истомин чиркнул зажигалкой, прищурил глаз. – Больше мы их ждать не сможем. Сколько народу понадобится, как думаешь?

– Один ударный отряд ждет приказов, займусь другими, там еще человек двадцать. Если послезавтра о них, – полковник мотнул головой в сторону выхода, – ничего не будет слышно, объявляй всеобщую мобилизацию. Будем прорываться.

Истомин приподнял брови, но вместо того, чтобы возразить, глубоко затянулся еле слышно потрескивающей самокруткой. Денис Михайлович загреб несколько валявшихся на столе исчерканных листов и, близоруко склоняясь к бумаге, принялся чертить на них таинственные схемы, вписывая в кружочки фамилии и клички.

Прорываться? Начальник станции смотрел поверх седого стариковского затылка, сквозь плывущую табачную дымку на большую схему метро, висящую у полковника за спиной. Пожелтевшая и засаленная, испещренная чернильными пометками – стрелками марш-бросков и кольцами осад, звездочками блокпостов

и восклицательными знаками запретных зон, схема эта была летописью последнего десятилетия. Десяти лет, из которых ни дня не прошло спокойно.

Вниз от Севастопольской пометки обрывались сразу за Южной: на памяти Истомина оттуда не возвращался никто. Долгая, ползущая вниз ветвистым корневищем линия оставалась девственно чистой. Завоевание Серпуховской линии оказалось севастопольцам не по зубам; здесь вряд ли хватило бы и всех натужных сил беззубого от лучевой болезни человечества.

Теперь же белесый туман неизвестности окутывал и тот обрубок их ветки, что упорно тянулся вверх, к Ганзе, к людям. Никто из тех, кому полковник завтра велит готовиться к бою, не откажется. На Севастопольской война на истребление человека, начавшаяся более двух десятилетий назад, не заканчивалась ни на минуту. Когда много лет живешь бок о бок со смертью, страх умереть уступает место равнодушию, фатализму, суевериям-оберегам и звериным инстинктам. Но кто знает, что ждало их впереди, между Нахимовским проспектом и Серпуховской. Кто знает, можно ли было вообще прорвать эту загадочную преграду и было ли там куда рваться.

Он припомнил последнюю свою поездку на Серпуховскую: базарные лотки, лежанки бродяг да ветхие ширмы, за которыми спят и любят друг друга те жители, что посостоятельней. Своего там ничего не выращивали, не было ни теплиц, ни загонов для скота. Вороватые, юркие серпуховчане кормились спекуляцией, перепродавая лежалый товар, за бесценок купленный у опаздывающих караванщиков, и оказывая гражданам Кольцевой услуги, за которые дома тех ждал бы суд. Не станция, а гриб-паразит, нарост на мощном стволе Ганзы.

Союз богатых торговых станций Кольцевой линии, Ганзой метко окрещенный в последнюю память о своем германском прообразе, оставался оплотом цивилизации в погружающемся в трясину варварства и нищеты метро. А Ганза... Ганза – это регулярная армия, электрическое освещение даже на самом бедном полустанке и гарантированный кусок хлеба каждому, у кого в паспорте стоял заветный штамп о гражданстве. Паспорта такие на черном рынке стоили целое состояние, но если обладателя фальшивки удавалось уличить ганзейским пограничником, платить ему приходилось головой.

Богатством и силой Ганза была обязана, конечно, своему расположению: Кольцевая линия опоясывала пучок остальных веток, пересадочными станциями

открывая доступ к каждой из них и спрягая их воедино. Челноки, везущие чай с ВДНХ, и дрезины, доставляющие патроны из оружейных дворов на Бауманской, предпочитали сгружать свой товар на ближайшем ганзейском таможенном посту и возвращаться домой. Лучше уж дешевле отдать, чем в погоне за выгодой пускаться по всему метро в странствие, которое могло оборваться в любой миг.

Ганза иногда присоединяла смежные станции, но чаще они были предоставлены сами себе и превращались, при ее попустительстве, в серую территорию, где велись те дела, в причастности к которым ганзейские бонзы не хотели быть уличены. Радиальные станции, разумеется, были наводнены ее шпионами и на корню скуплены ее дельцами, но формально оставались независимы. Такова была и Серпуховская.

В одном из ведущих к ней перегонов навеки остановился состав, не успевший добраться до соседней Тульской. Обжитый сектантами и потому отмеченный на истоминской схеме сухим католическим крестиком, поезд превратился в затерянный посреди черной пустоши хутор. Если бы не рыщущие по соседним станциям миссионеры, падкие на заблудшие души, Истомин против сектантов и вовсе ничего бы не имел. Впрочем, до Севастопольской божьи овчарки не добирались, а проходящим мимо путникам они особых препятствий не чинили – разве что чуть задерживали их своими душеспасительными беседами. К тому же, второй туннель от Тульской к Серпуховской был чистым и пустым, им и пользовались местные караванчики.

Истомин снова скользнул взглядом вниз по линии. Тульская? Постепенно дичающий поселок, которому перепадают крохи от марширующих мимо севастопольских конвоев и ушлых серпуховских торгашей. Живут, чем бог пошлет: кто починяет разнообразный механический хлам, кто ходит на заработки к ганзейской границе, сидя целыми днями на корточках в ожидании очередного прораба с рабовладельческими замашками. «Тоже бедно живут, но ведь нет у них в глазах склизкой серпуховской жуликоватости, – подумал Истомин, – и порядка там куда больше. Опасность, наверное, спланирует».

Следующая станция, Нагатинская, на его схеме была отмечена короткой черточкой – пусто. Полуправда: подолгу на ней никто не задерживался, но, случалось, копошился разномастный сброд, ведущий сумеречное, полуживотное существование. В кромешной тьме сплетались сбежавшие от чужих глаз парочки. Иной раз разгорался меж колонн чахлый костерок, у которого роились

тени туннельных душегубов, собравшихся на тайную сходку.

Но на ночевку здесь останавливались только несведущие или самые отчаянные: далеко не все из посетителей станции были людьми. В шепчущем, желеобразном мраке, которым была заполнена Нагатинская, мелькали иногда, если приглядеться, подлинно кошмарные силуэты. И время от времени, ненадолго распугивая бездомных, раздирал спертый воздух истошный вопль бедолаги, которого утаскивали в логово, чтобы там неторопливо сожрать.

За Нагатинскую бродяги ступать не отваживались, и до самых оборонных рубежей Севастопольской простиралась «ничья земля». Название условное: у нее, разумеется, были хозяева, которые блюли свои границы, и даже севастопольские разведгруппы предпочитали избегать встреч с ними.

Но сейчас в туннелях появилось нечто новое. Невиданное. Поглощающее всех, кто пытается пройти давно, казалось бы, изученным маршрутом. И как знать, сможет ли его станция, даже призвав к оружию всех боеспособных своих жителей, выставить достаточное воинство, чтобы побороть его... Истомин тяжело поднялся со стула, прошаркал к карте и отчертил химическим карандашом отрезок, шедший из точки с надписью «Серпуховская» в точку с надписью «Нахимовский проспект». Рядом поставил жирный вопросительный знак. Хотел нарисовать его у Проспекта, а получилось ровно напротив Севастопольской.

* * *

На первый взгляд Севастопольская казалась необитаемой. На платформе не было заметно и следа привычных армейских палаток, в которых обычно жили на других станциях. Здесь, еле очерченные несколькими тусклыми лампами, темнели лишь муравьиные кучи окопов, сложенных из мешков с песком. Но огневые позиции были пусты, а на скупых квадратных колоннах густо лежала пыль. Все было сделано так, что, случись попасть сюда постороннему, он непременно решил бы: станция давно заброшена.

Однако если бы непрошеному гостю взбрела в голову мысль задержаться хоть ненадолго, он рисковал остаться здесь навсегда. Круглосуточно дежурившие на смежной Каховской пулеметные расчеты и снайперы занимали свои места в окопах за считанные секунды. Вместо слабых лампочек под потолком

вспыхивали безжалостные ртутные светильники, выжигая глазную сетчатку привыкшим к туннельной тьме людям и чудовищам.

Платформа была последним и самым тщательно продуманным оборонным рубежом севастопольцев. А их жилища размещались в утробе этой станции-обманки, в подплатформенных коллекторах. Под гранитными плитами пола, скрытый от чужих глаз, находился еще один этаж, площадью не уступавший основному залу, но разбитый на множество ячеек. Хорошо освещенные, сухие и теплые комнаты, мерно гудящие аппараты для очистки воздуха и воды, гидропонические теплицы... Ощущение безопасности и уюта приходило к обитателям станции, только когда они забивались еще глубже под землю.

Гомер знал, что решающее сражение ждет его не в северных туннелях, а дома. Пробираясь по узкому коридору мимо приоткрытых дверей чужих квартир, он плелся все медленнее и медленнее по мере того, как приближалась его собственная. Надо было еще раз обдумать тактику и отрепетировать свои реплики; времени оставалось все меньше.

– Что поделать? Приказ... Сама знаешь, какая ситуация. Меня даже не спросили. Ну что ты как девочка? Просто смешно! Да не напрашивался я! Не могу. Что ты! Не могу, конечно. Уклоняться? Это же дезертирство! – бормотал он себе под нос, то примеряя возмущенную, решительную интонацию, то уходя в минор и пытаясь ласково уговорить кого-то.

Добравшись до порога своей комнаты, забубнил все заново. Нет, слез было не миновать, но отступать он не собирался. Нахохлившись и приготовившись к бою, старик потянул дверную ручку вниз.

Из девяти с половиной квадратных метров – великой роскоши, которой он в свое время прождал в очереди пять лет, мыкаясь по общежитиям – два занимала солдатская двухъярусная кровать, метр – обеденный стол, застеленный нарядной скатеркой, а еще три – огромная, до потолка кипа ветхих газет. Живи он бобылем, в один прекрасный день эта гора непременно обрушилась бы на него и погребла под собой. Но пятнадцать лет назад он встретил женщину, которая готова была не только терпеть присутствие такого количества пыльной макулатуры в своем крохотном домике, но и бережно подравнивать ее, не позволяя превратить свой очаг в бумажные Помпеи.

Она вообще была готова терпеть многое. Бесконечные газетные вырезки с тревожными заголовками вроде «Гонка вооружений набирает обороты», «Американцы испытали новую противоракету», «Наш ядерный щит крепнет», «ПРОвокации ПРОдолжаются» и «Терпение лопнуло», которыми словно обоями были сверху донизу обклеены стены комнатухи. Его ночные бдения с изгрызенной шариковой ручкой над кипой школьных тетрадей при электрическом свете – о свечах с таким ворохом бумаги в их доме и речи не могло идти. Его полушутливое-полушутовское прозвище, которое он сам носил с гордостью, а остальные выговаривали со снисходительной улыбкой.

Многое, но не все. Не его мальчишеское стремление всякий раз забираться в самый эпицентр урагана, чтобы посмотреть, как там оно все на самом деле, – это почти в шестьдесят лет! И не легкомыслие, с которым он соглашался на любые поручения начальства, забывая о том, что после одного из недавних походов еле выкарабкался с того света.

Не мысль, что она может потерять его и снова остаться совсем одна.

Проводив Гомера в дозор – его черед дежурить выпадал раз в неделю, – она никогда не сидела дома. Скрываясь от тревожных мыслей, шла к соседям, на работу не в свою смену. Мужское равнодушие к смерти казалось ей глупым, эгоистичным, преступным.

Дома он застал ее по случайности – забежала переодеться после работы. Прodela руки в рукава заплатанной шерстяной фуфайки, и так и осталась – волосы, темные с уже хорошо заметной проседью, хоть ей не было еще и пятидесяти, встrepаны, в бледных карих глазах – испуг.

– Коля, что-то случилось? У тебя же дежурство допоздна?

И Гомеру вдруг расхотелось сейчас говорить ей о принятом решении. Он заколебался: может, успокоив ее пока, сообщить между делом за ужином?

– Только врать не вздумай, – перехватив его блуждающий взгляд, предупредила она.

– Понимаешь, Лен... Тут такое дело, – начал он.

– Никто не?.. – она спросила сразу о главном, о страшном, не желая даже произносить вслух слово «умер», словно веря, что ее дурные мысли могут материализоваться.

– Нет! Нет, – Гомер замотал головой. – С дежурства меня просто сняли. К Серпуховской посылают, – буднично добавил он.

– Но ведь, – Елена запнулась. – Ведь там... Разве они уже вернулись? Там же...

– Да брось, ерунда какая. Ничего там нет, – заспешил он.

Елена отвернулась, подошла к столу, переставила зачем-то с места на место солонку, расправила складку на скатерти.

– Я сон видела, – она кашлянула, счищая хрипотцу.

– Ты все время их...

– Нехороший, – упрямо продолжила она и вдруг жалко всхлипнула.

– Ну что ты? Что я могу... Это же приказ, – сбиваясь, понимая, что все его подготовленное выступление гроша ломаного не стоят, мямлил он, поглаживая ее пальцы.

– Вот пусть одноглазый сам и идет туда! – зло, уже сквозь слезы, бросила она, отдергивая руку. – Пусть черт этот полосатый туда идет, со своей береткой! А то они только приказывать... Ему-то что? Он всю жизнь с автоматом под боком проспал вместо бабы! Что он понимает?

Доведя женщину до слез, утешить ее, не перешагнув через себя, нельзя. И стыдно было Гомеру, и по-настоящему жаль ее, но так просто было сломаться сейчас, пообещав отказаться от задания, успокоить, высушить слезы – чтобы потом раскаиваться, жалея об упущенном шансе? Последнем, может быть, шансе, который выпадал ему в жизни, по нынешним меркам и так уже порядком затянувшейся.

И он промолчал.

* * *

Пора уже было идти, собирать и инструктировать офицеров, но полковник все сидел в истоминском кабинете, не обращая внимания на обычно так раздражавший и соблазнявший его сигаретный дым.

Пока начальник станции задумчиво шептал что-то, водя пальцем по своей выдавшей виды карте метро, Денис Михайлович все пытался понять: зачем все это нужно Хантеру? За его загадочным появлением на Севастопольской, за желанием поселиться здесь, наконец, за осторожностью, с которой бригадир появлялся на станции – почти всегда в шлеме, скрывающем лицо, – могло стоять только одно: Истомин был прав, Хантер все же от кого-то бежал. Зарабатывая дополнительные очки, обосновался на южном блокпосту: заменял собой целую бригаду и сам постепенно становился незаменимым. Кто бы ни потребовал теперь выдать его, какую награду ни посулили бы за его голову, ни Истомин, ни сам полковник и не подумали бы уступать.

Укрытие было безупречным. На Севастопольской не бывало чужаков, а местные караванщики, в отличие от болтливых челноков с других станций, выбираясь в большое метро, никогда не распускали язык. В этой маленькой Спарте, уцепившейся за свой клочок земли на самом краю света, выше всего ценились надежность и свирепость в бою. А тайны здесь уважать умели.

Но зачем тогда Хантеру было бросать все, самому вызываться в поход, поручить который ему у Истомина не хватило бы духу, и, рискуя быть узнанным, отправляться к Ганзе? Полковнику отчего-то не верилось, что бригадира действительно тревожила судьба пропавших разведчиков. Да и за Севастопольскую он сражался не из любви к станции, а по своим, одному ему известным причинам.

Быть может, он на задании? Это многое бы разъяснило: его внезапное прибытие, его скрытность, упорство, с которым он ночевал в спальном мешке в туннелях, наконец, его решение немедленно двигаться к Серпуховской. Почему же он тогда просил не ставить в известность остальных? Кем, как не ими, он мог быть послан? Кем?

Полковник с трудом поборол желание угоститься истоминской самокруткой. Нет, невозможно. Хантер – один из столпов Ордена? Тот человек, которому были обязаны жизнью десятки, может быть, сотни, среди них – и сам Денис Михайлович?

«Тот человек – не мог, – осторожно возразил он сам себе. – Но был ли Хантер, вернувшийся из небытия, тем человеком?»

И если он выполнял чьи-то поручения... Мог ли он сейчас получить некий сигнал? Значило ли это, что исчезновение оружейных караванов и троек разведки было не случайностью, а частью тщательно спланированной операции? Но в чем тогда была роль самого бригадира?

Полковник резко потрянул головой, словно пытаясь сбросить налипших и быстро набухающих пиявок подозрений. Как он может так думать о человеке, который его спас? К тому же до сих пор Хантер служил станции безупречно и никаких поводов сомневаться в себе не давал. И Денис Михайлович, запретив себе даже в мыслях называть того «шпионом» и «диверсантом», принял решение.

– Давай по чайку, и пойду я к ребятам, – преувеличенно бодро произнес он, хрустнув пальцами.

Истомин оторвался от карты и устало улыбнулся. Потянулся было к своему старинному дисковому телефону, чтобы вызвать ординарца, но тут аппарат натужно задребезжал сам, заставив обоих вздрогнуть и переглянуться. Этого звука они не слышали уже неделю: дежурный, если хотел что-то доложить, всегда стучался в дверь, а больше никто на станции начальнику напрямую звонить не мог.

– Истомин слушает, – осторожно сказал он.

– Владимир Иванович... Там Тульская на проводе, – в трубке гундосо зашепел телефонист. – Только слышно очень плохо... Кажется, наши... Но вот связь...

– Да соединяй уже! – взревел начальник, обрушивая на стол кулак с такой силой, что телефон жалобно тренькнул.

Телефонист испуганно стих, потом в динамике щелкнуло, зашуршало, и послышался бесконечно далекий, искаженный до неузнаваемости голос.

* * *

Елена отвернулась к стене, пряча слезы. Что она могла сделать еще, чтобы удержать его? Почему он был так рад ухватиться за первую возможность удрать со станции, прикрываясь этой сто раз перештопанной историей о приказах начальства и наказании за дезертирство? Чего только она ни дала ему, ни сделала за эти пятнадцать лет, чтобы его приручить! А его снова тянет в туннели, будто он надеется найти там что-то еще, кроме тьмы, пустоты и гибели. Чего ему не хватает?

Гомер слышал в своей голове ее укоры так же ясно, как если бы она сейчас говорила вслух. Чувствовал себя препогано, но отступать уже было поздно. Открывал было рот, чтобы извиниться, согреть ее словом, но давился, понимая, что каждое из этих слов только подбросит хвороста в огонь.

А над головой Елены плакала Москва – заботливо забранная в рамочку, на стене висела цветная фотография Тверской под прозрачным летним дождем, вырезанная из старого глянцевого альманаха. Когда-то давно, во времена его прежних скитаний по метро, все Гомерово имущество сводилось к одежде и этому вот снимку. У других в карманах были помятые страницы с обнаженными красотками, выдранные из мужских журналов, но Гомеру они не могли заменить живую женщину даже на несколько коротких, постыдных минут. А эта вот фотография напоминала ему о чем-то безгранично важном, невыразимо прекрасном... И потерянном навсегда.

Шепнув неуклюжее «прости», он выбрался в коридор, аккуратно притворил за собой дверь и обессиленно опустился на корточки. У соседей было открыто, на пороге играли тщедушные бесцветные ребятишки – мальчик и девочка. Завидев старика, они замерли; кое-как сшитый и набитый тряпьем медведь, которого они только что не могли поделить, сиротливо шлепнулся на землю.

– Дядя Коля! Расскажи сказку! Ты обещал, что расскажешь, когда вернешься! – бросились они к Гомеру.

– Какую вам? – тот не мог отказать.

– Про безголовых мытантов! – радостно завопил мальчуган.

– Нет! Я не хочу про мытантов! – скуksилась девочка. – Они страшные, я боюсь!

– А какую ты хочешь, Танюша? – вздохнул старик.

– Тогда про фашистов! И партизан! – вставил мальчик.

– Нет... Мне про Изумрудный Город нравится... – щербато улыбаясь, сказала Таня.

– Но я же ее вам рассказывал вчера только. Может, про то, как Ганза с Красными воевала?

– Про Изумрудный Город, про Изумрудный Город! – загалдели оба.

– Ну хорошо, – согласился старик. – Где-то далеко-далеко на Сокольнической линии, за семью пустыми станциями, за тремя обрушенными метромостами, за тысячей тысяч шпал лежит волшебный подземный город. Город этот заколдован, и войти в него обычные люди не могут. В нем живут чародеи, и только они способны выходить за городские ворота и возвращаться обратно. А на поверхности земли над ним стоит огромный могучий замок с башнями, в котором раньше жили эти мудрые чародеи. Замок этот называется...

– Вирситет! – выкрикнул мальчишка и победно посмотрел на свою сестру.

– Университет, – подтвердил Гомер. – Когда случилась большая война и на землю стали падать ядерные ракеты, чародеи сошли в свой город и заколдовали вход, чтобы к ним не попали злые люди, которые затеяли войну. И живут они... – он поперхнулся и замолк.

Елена стояла, прислонившись к дверному косяку и слушала его; Гомер и не заметил, как она вышла в коридор.

– Я соберу вещмешок, – хрипло выговорила она.

Старик подошел к Елене и взял ее за руку. Она неловко, стесняясь чужих детей, обняла его и спросила:

– Ты скоро вернешься? С тобой все будет в порядке?

И Гомер, в тысячный раз за свою долгую жизнь удивляясь необоримой женской любви к обещаниям – не важно, возможно их выполнить или нет, – сказал:

– Все будет в порядке.

– Вы такие старенькие уже, а целуетесь как будто жених и невеста, – девочка скорчила неприязненную гримаску.

– А папа сказал, это неправда, нету никакого Изумрудного Города, – вредным голосом сообщил мальчик напоследок.

– Может, и нету, – пожал плечами Гомер. – Это же сказка. Но как нам тут без сказок?

* * *

Слышно действительно было чудовищно плохо. Голос, пробивавшийся сквозь треск и шорох, казался Истомину смутно знакомым – вроде бы один из разведчиков посланной к Серпуховской тройки.

– На Тульской... Не можем... Тульской... – силился передать что-то он.

– Вас понял, вы на Тульской! – прокричал в трубку Истомин. – Что случилось? Почему не возвращаетесь?

– Тульской! Здесь... Не надо... Главное, не надо... – Конец фразы сожрали проклятые помехи.

– Что не надо? Повторите, что не надо?!

– Нельзя штурмовать! Ни в коем случае не штурмуйте! – неожиданно ясно выговорила трубка.

– Почему? Какого дьявола у вас там творится? Что происходит?! – перебил начальник.

Однако голос больше не был слышен; плотной волной накатил шум, а потом трубка умерла. Но Истомин не хотел в это верить и никак не мог выпустить ее из рук.

– Что происходит?!..

Глава третья

После жизни

Гомеру показалось, что он на всю жизнь запомнит взгляд дозорного, который прощался с ними на крайнем северном посту. Так смотрят на тело павшего героя, когда почетный караул залпом отдает ему последнюю честь: с восхищением и тоской. Прощаясь навсегда.

Живым такие взгляды не предназначались; Гомер почувствовал себя так, словно он забирался по шаткой приставной лесенке в кабину крохотного, не умеющего приземляться самолета, превращенного коварными японскими конструкторами в адскую машину. Соленый ветер трепал лучистое имперское знамя, на летном поле суетились механики, гудели, оживая, моторы и прижимал пальцы к козырьку пузатый генерал, в заплывших глазах которого искрилась самурайская зависть...

– Чего такой радостный? – хмуро спросил замечтавшегося старика Ахмед.

Он, в отличие от Гомера, не стремился первым разузнать, что же творится на Серпуховской. На платформе осталась его молчаливая жена, левой державшая

за руку старшего, а в правой – мяукающий сверток, который она осторожно приложила к груди.

– Это как встать в рост – и в психическую атаку, на пулеметы. Такой отчаянный зазор. Нас ждет огонь смертельный... – попробовал объяснить Гомер.

– Эти атаки твои неслучайно так называли, – пробурчал Ахмед, оглядываясь назад, на маленький светлый пятчок в конце туннеля. – Как раз для таких психов, как ты. Нормальный человек добровольно на пулемет не полезет. Никому такие подвиги не нужны.

– Понимаешь, какое дело, – не сразу откликнулся старик. – Когда чувствуешь, что время подходит, задумываешься: успел я что-то сделать? Запомнят меня?

– Насчет тебя – не уверен. А у меня дети. Они уж точно не забудут... Старший, по крайней мере, – помолчав, тяжело добавил тот.

Гомер, ужаленный, хотел огрызнуться, но последние Ахмедовы слова сбили его с воинственного лада. И правда – это ему, старому, бездетному, легко рисковать своей побитой молью шкурой, а у парня впереди – слишком долгая жизнь, чтобы пекся о бессмертии.

Позади остался последний фонарь – стеклянная банка с лампочкой внутри, забранная в решетку из арматуры и переполненная обгоревшими мухами и крылатыми тараканами. Хитиновая масса чуть заметно кишела: некоторые насекомые еще были живы и пробовали выползти, будто недобитые смертники, сваленные в общий ров вместе с остальными расстрелянными.

Гомер невольно на миг задержался в дрожащем, умирающем пятне слабого желтого света, который выжимала из себя эта лампа-могильник. Набрал воздуха и вслед за остальными погрузился в чернильную тьму, разлившуюся от границ Севастопольской и до самых до подступов к Тульской; если, конечно, такая станция все еще существовала.

* * *

Вросшая в гранитные плиты пола угрюмая женщина с двумя маленькими детьми была не одна на опустевшей платформе. Чуть поодаль, провожая взглядом ушедших, замер одноглазый толстяк с борцовскими плечами, а в шаге за его спиной тихо переговаривался с ординарцем поджарый старик в солдатском бушлате.

– Остается только ждать, – рассеянно гоня потухший окурок из одного угла рта в другой, резюмировал Истомин.

– Ты жди, а я своими делами займусь, – упрямо отозвался полковник.

– Говорю тебе, это Андрей был. Старший последней тройки, которую мы отправили, – Владимир Иванович еще раз прислушался к голосу из телефонной трубки, назойливо продолжающему звучать в его голове.

– И что теперь? Может, они его под пытками заставили это сказать. Специалистам известны разные способы, – приподнял бровь старик.

– Не похоже, – задумчиво покачал головой начальник. – Ты бы слышал, как он это говорил. Там что-то другое происходит, необъяснимое. Кавалерийским наскоком тут не возьмешь...

– Я тебе дам объяснение в два счета, – заверил его Денис Михайлович. – Тульская захвачена бандитами. Устроили засаду, наших – кого убили, кого взяли в заложники. Электричество не обрезают, потому что и сами им пользуются, и Ганзу нервировать не хотят. А вот телефон отключили. Что за история с телефоном, который то работает, то не работает?

– У него голос такой был... – словно и не слушая его, гнул свое Истомин.

– Да какой голос?! – взорвался полковник, заставив ординарца деликатно отступить на несколько шагов. – Загони тебе булавки под ногти, у тебя еще не такой будет! А при помощи слесарных клещей вообще можно бас на фальцет на всю жизнь переделать!

Ему уже было все ясно, он сделал свой выбор. Разрешившись от сомнений, он снова почувствовал себя на коне, и шашка сама просилась в руку, что бы там ни

канючил Истомин.

Тот не спешил с ответом, давая вскипевшему полковнику выпустить пар.

– Подождем, – примирительно, но твердо наконец сказал он.

– Два дня, – старик скрестил руки на груди.

– Два дня, – кивнул Истомин.

Полковник крутанулся на месте и затопал в казарму: он-то не был намерен терять драгоценные часы. Командиры ударных отрядов уже битый час ждали его в штабе, расположившись с двух флангов долгого дощатого стола. Пустовали только стулья в двух противоположных концах: его и истоминский. Но на сей раз начинать придется без руководства.

На уход Дениса Михайловича начальник станции внимания не обратил.

– Забавно, как у нас роли поменялись, да? – толи к нему, то ли к самому себе обратился Истомин.

Не дождавшись ответа, обернулся, натолкнулся на сконфуженный взгляд ординарца, махнув рукой, отпустил его. «Полковника, который наотрез отказывался выделить хотя бы одного лишнего бойца, не узнать, – думал начальник. – Что-то чувствует, старый волчара. Но вот не подводит ли его нюх?»

Самому Истомину его собственный подсказывал совсем другое: затаиться. Ждать. Станный звонок только усилил нехорошее предчувствие: на Тульской их тяжелой пехоте предстояло лицом к лицу встретиться с таинственным, непобедимым противником.

Владимир Иванович пошарил по карманам, отыскал зажигалку, высек искру. И пока над его головой поднимались рваные кольца дыма, он не двигался с места и не сводил глаз с темного провала туннеля, зачарованно уставившись в него, словно кролик в манящую удавью пасть.

Докурив, снова покачал головой и побрел к себе. Вынырнув из тени, на почтительном расстоянии за ним последовал ординарец.

* * *

Глухой щелчок – и ребристые туннельные своды озарились на добрые пятьдесят метров вперед. Фонарь Хантера размерами и мощностью больше напоминал прожектор. Гомер неслышно выдохнул – в последние минуты он не мог избавиться от глупой мысли, что бригадир не станет зажигать свет, потому что его глаза вполне смогут без него обходиться.

Вступив в темный перегон, тот еще меньше стал напоминать обычного человека, да и, пожалуй, человека вообще. Его движения обрели звериную грацию и порывистость. Фонарь он, похоже, включил только для своих спутников, сам же больше полагался на другие чувства. Сняв шлем и повернувшись ухом к туннелю, он часто прислушивался и даже, укрепляя Гомеровы подозрения, время от времени замирал, чтобы втянуть носом ржавый воздух.

Беззвучно скользя в нескольких шагах впереди, к остальным он не оборачивался, будто забыв об их существовании. Ахмед, редко дежуривший на южной заставе и не привыкший к чудачествам бригадира, недоуменно ткнул старика в бок – что это с ним? Тот только развел руками: разве тут в двух словах объяснишь...

Зачем они вообще ему понадобились? Хантер, казалось, ощущал себя в здешних туннелях куда уверенней Гомера, для которого он сам же и уготовил роль туземца-проводника. А ведь старик, спроси его, мог бы многое рассказать о здешних местах – и небылиц, и правды, иной раз куда более страшной и причудливой, чем самые невероятные байки скучающих у одинокого костра дозорных.

В голове у него была своя карта метро – не чета истоминской. Там, где на схеме станционного начальника зияли пустоты, Гомер мог бы покрыть своими пометками и пояснениями все свободное пространство. Вертикальные шахты, открытые или законсервированные служебные помещения, паутинки межлинейных соединений. На его схеме между Чертановской и Южной – через одну вниз от Севастопольской – от линии отпочковывалось ответвление, растающее в гигантский бурдюк метродепо «Варшавское», оплетенный

прожилками десятков тупиков-отстойников. Депо для Гомера, с его священным трепетом перед поездами, было местом мрачным и мистическим, вроде кладбища слонов. Про него старик мог говорить часами – лишь бы нашлись слушатели, готовые ему поверить.

Участок Севастопольская-Нахимовский Гомер считал весьма непростым. Правила безопасности и просто здравый смысл требовали держаться вместе, продвигаться медленно и осторожно, тщательно обследуя стены и пол впереди себя. И даже в этом перегоне, где все люки и щели были трижды замурованы и опломбированы севастопольскими инженерными бригадами, ни в коем случае нельзя было оставлять неприкрытым тыл.

Вспоротый фонарным лучом мрак срастался сразу же за их спинами, дробилось эхо шагов, отражаясь от перегородок бесчисленных тюбингов, и где-то вдалеке тоскливо подвывал пойманный в вентиляционные колодцы ветер. Неторопливо собираясь в потолочных щелях, падали вниз крупные тягучие капли – может быть, просто вода, но Гомер старался от них уворачиваться. Так, на всякий случай.

* * *

В стародавние времена, еще когда раздувшийся на поверхности город-монстр был жив своей горячечной жизнью, а метро еще казалось беспокойным горожанам просто бездушной транспортной системой – уже тогда совсем еще юный Гомер, которого все звали просто Колей, с фонарем и железным ящиком инструментов бродил по его перегонам.

Простым смертным путь туда был заказан, им отводились только полторы сотни начищенных до блеска мраморных залов и обклеенные цветастой рекламой тесные вагоны. Ежедневно проводя по два-три часа в гудящих и покачивающихся составах, миллионы людей не сознавали, что им дозволяется увидеть лишь десятую часть неимоверно огромного подземного царства, раскинувшегося под землей. И чтобы они не задумывались об истинных его размерах, о том, куда ведут неприметные дверцы и железные заслоны, темные боковые ответвления туннелей и закрытые на вечный ремонт переходы, их отвлекали блестящими до рези в глазах картинками, вызывающе глупыми слоганами и деревянными голосами рекламных объявлений, не дающих расслабиться даже на эскалаторах. Так, во всяком случае, казалось самому Коле,

после того, как он начал проникать в секреты этого государства в государстве.

Легкомысленная радужная схема метро, висящая в вагонах, была призвана убеждать любопытных, что перед ними – исключительно гражданский объект. Но на деле ее весело раскрашенные линии были обвиты невидимыми ветвями секретных туннелей, на которых тяжелыми гроздьями висели военные и правительственные бункеры, а перегоны соединялись с клубком катакомб, вырытых под городом еще язычниками.

Во времена ранней Колиной юности, когда его страна была слишком бедна, чтобы состязаться с другими в силе и амбициях, а Судный день казался так далек, бункеры и убежища, сооруженные в его ожидании, копили пыль. Но с деньгами вернулся и былой гонор, а вместе с ним – недоброжелатели. Уже подернувшиеся ржавчиной многотонные чугунные двери были со скрежетом открыты, запасы продовольствия и медикаментов обновлены, воздушные и водные фильтры – приведены в готовность. И очень кстати.

Прием на работу в метро был для него, иногороднего и нищего, сродни вступлению в масонскую ложу. Из отверженного безработного он превращался в члена могущественной организации, щедро оплачивающей те скромные услуги, которые он умел ей оказать, и обещающей причастить его сокровенных тайн мироустройства. Заработок, который сулила афишка о найме, показался Коле весьма соблазнительным, а требований к будущим обходчикам путей не выдвигалось почти никаких.

Далеко не сразу он из неохотных объяснений своих новых сослуживцев начал понимать, отчего метрополитен вынужден заманивать сотрудников высокими окладами и надбавками за вредность. Дело было не в напряженном графике и не в добровольном отказе от дневного света. Нет, речь шла об опасностях совсем иного рода.

Неистребимым мрачным слухам о чертовщине он, как человек скептического склада ума, не верил. Но однажды из обхода короткого слепого перегона не вернулся его приятель. Искать его отчего-то не стали – начальник смены обреченно махнул рукой, – а вслед за приятелем так же бесследно исчезли и все документы, подтверждавшие, что он когда-либо работал в метро. Коле – единственному, кто по молодости и наивности никак не мог смириться с его пропажей, кто-то из старших шепотом, озираясь по сторонам, сообщил наконец, что его друга «забрали». Поэтому кому, как не Гомеру, было знать, что

нехорошие события происходили в московских подземельях задолго до того, как мегаполис вымер, опаленный дыханием Армагеддона...

Лишившись друга и коснувшись запретных знаний, Коля мог бы испугаться и бежать, бросить эту работу и найти другую. Однако получилось так, что со временем его брак по расчету с метро перерос в страстный роман. Пресытившись пешими странствиями по туннелям, он прошел обряд инициации в помощники машиниста, заняв более прочное место в сложной иерархии метрополитена.

И чем ближе он знакомился с этим неучтенным чудом света, с этим ностальгирующим по античности лабиринтом, выморочным циклопическим городом, перевернутым вверх тормашками и отраженным от своего прообраза в бурой московской земле, тем глубже и беззаветней влюблялся в него. Этот рукотворный Тартар был безоговорочно достоин поэзии настоящего Гомера, на худой конец, летучего пера Свифта, который бы увидел в нем штуку посильнее Лапуты... Но его тайным воздыхателем и неумелым певцом стал всего лишь Коля. Николаев Николай Иванович. Смешно.

Казалось бы, можно еще любить Хозяйку Медной горы, но любить саму Медную гору? Однако эта любовь, оказавшись взаимной до ревности, в свой час отняла у Коли семью, но спасла ему жизнь.

* * *

Хантер застыл на месте так внезапно, что Гомер, зарывшийся в перину воспоминаний, не успел выбраться обратно и на полном ходу влетел бригадиру в спину. Тот, не издав ни звука, отшвырнул от себя старика и снова замер, опустив голову и обратив к туннелю свое изуродованное ухо. Словно летучая мышь, вслепую рисуя себе пространство, он перехватывал одному ему слышимые волны.

Гомер же почувствовал иное: запах Нахимовского проспекта, запах, который невозможно было спутать ни с чем. Быстро же они добрались... Как бы не пришлось заплатить за то, с какой легкостью их сюда пропустили. Словно слыша его мысли, Ахмед сдернул с плеча автомат и щелкнул предохранителем.

– Кто там? – обернувшись к старику, вдруг прогудел Хантер.

Гомер усмехнулся про себя: кто же знает, кого там дьявол принес? В распахнутые ворота Нахимовского сверху как в воронку затягивало самых невообразимых тварей. Но были у этой станции и свои постояльцы. Хотя они и считались неопасными, старик к ним питал особое чувство – липкую смесь страха и гадливости.

– Небольшие... Безволосые, – попробовал описать их бригадир, и Гомеру этого хватило: они.

– Трупоеды, – негромко сказал он.

От Севастопольской до Тульской, а может, и в других краях метро это шаблонное ругательство теперь имело другое, новое значение. Буквальное.

– Хищники? – спросил Хантер.

– Падальщики, – неуверенно отозвался старик.

Эти отвратительные создания, похожие одновременно на пауков и на приматов, не рисковали в открытую нападать на людей и кормились мертвечиной, которую стаскивали на облюбованную ими станцию с поверхности. На Нахимовском гнездилась большая стая, и все окрестные туннели были налиты тошнотворно-сладким смрадом разложения. На самом же Проспекте под его тяжестью начинала кружиться голова, и многие, не выдерживая, надевали противогазы уже на подходах.

Гомер, превосходно помнивший об этой особенности Нахимовского, торопливо извлек из походной сумки намордник респиратора и натянул его на себя. Ахмед, собиравшийся наспех, завистливо глянул на него и прикрыл лицо рукавом: расплзавшиеся со станции миазмы постепенно окутывали их, подстегивая, сгоняя с места.

Хантер же будто ничего не ощущал.

– Что-то ядовитое? Споры? – уточнил он у Гомера.

– Запах, – промычал тот сквозь маску и поморщился.

Бригадир испытующе оглядел старика, будто пытаясь определить, не смеется ли тот над ним, потом пожал своими широченными плечами.

– Обычный, – и отвернулся.

Он перехватил поудобнее свой короткий автомат, поманил их за собой и, мягко ступая, двинулся дальше первым. Еще через полсотни шагов к чудовищной вони присоединился летучий, неразборчивый шепоток. Гомер вытер со лба обильно выступившую испарину и попытался осадить свое галопирующее сердце. Совсем близко.

Наконец луч нащупал что-то... Стер мрак с разбитых фар, слепо вперившихся в никуда, с пыльных лобовых стекол под сетью трещин, с упрямо не желающей ржаветь синей обшивки... Впереди виднелся первый вагон поезда, гигантской пробкой заткнувшего горловину туннеля.

Поезд был давно и безнадежно мертв, но каждый раз при его виде Гомеру как мальчишке хотелось забраться в разоренную кабину машиниста, приласкать клавиши приборной доски и, закрыв глаза, представить, что он снова мчится на полной скорости по туннелям, увлекая за собой гирлянду ярко освещенных вагонов, наполненных людьми – читающими, дремлющими, глазающими на рекламу или силящимися переговариваться сквозь гул двигателей...

«В случае подачи сигнала тревоги „Атом“ двигаться к ближайшей станции, там встать и открыть двери. Содействовать силам гражданской обороны и армии в эвакуации пострадавших и герметизации станций метрополитена...»

Инструкция о том, что в Судный день делать машинистам, была четкой и несложной. Везде, где это оказалось возможным, она была выполнена. Большинство составов, застыв у платформ станций, забылись летаргическим сном и постепенно были растащены на запчасти жителями метро, которым вместо обещанных нескольких недель пришлось задержаться в этом убежище на вечность.

Кое-где их сохранили и обжили, но Гомеру, которому в поездах всегда виделась некая одушевленная сущность, это казалось кощунственным – все равно, что

набивать чучело из любимой кошки. В местах, непригодных для обитания, таких, как Нахимовский проспект, составы стояли обглоданные временем и вандалами, но все же еще целые.

Гомер никак не мог оторвать взгляд от вагона, а в его ушах, перекрывая шорохи и шипенье, все громче доносящиеся со станции, выла призрачная сирена тревоги и басил гудок, выводя никогда не слышанный до того дня сигнал: один длинный – два коротких: «Атом»!

...Протяжный лязг тормозов и растерянное объявление по вагонам: «Уважаемые пассажиры, по техническим причинам поезд дальше не пойдет...» Ни бубнящий в микрофон машинист, ни сам Гомер, его помощник, не могут еще осознать, какой безысходностью веет от этих казенных слов.

Натужный скрежет гермозатворов, навсегда разделяющих мир живых и мир мертвых. По инструкции ворота должны были окончательно запереться не позже чем через шесть минут после подачи тревожного сигнала, невзирая на то, сколько людей оставалось по другую сторону жизни. В тех, кто пытался препятствовать закрытию, рекомендовалось стрелять.

Сможет ли сержантик, охранявший станцию от бездомных и пьяных, выстрелить в живот мужчине, который пытается задержать огромную железную машину, чтобы успела добежать его сломавшая каблук жена? Сумеет ли нахрапистая турникетная тетка в форменном кепи, весь свой тридцатилетний стаж в метро совершенствовавшаяся в двух искусствах – не пускать и свистеть, – не пропустить задыхающегося старика с жалобной орденской планкой? Инструкция отводила всего шесть минут на то, чтобы превратиться из человека – в механизм. Или в чудовище.

...Визг женщин и возмущенные крики мужчин, самозабвенные детские рыдания. Пистолетные хлопки и грохот автоматных очередей. Ретранслируемые каждым динамиком металлическим бесстрастным голосом зачитанные призывы сохранять спокойствие – зачитанные, потому что ни один человек, знающий, что происходит, не смог бы совладать с собой и просто сказать это так...
Равнодушно. «Не поддавайтесь панике...» Плач, мольбы...

Снова стрельба.

И ровно через шесть минут после тревоги, за минуту до Армагеддона – гулкий, похоронный набат смыкающихся секций гермоворот. Смачные щелчки запоров. Тишина.

Как в склепе.

Вагон пришлось обходить по стенке – машинист затормозил слишком поздно. Может быть, отвлекся на происходившее в тот миг на платформе... По чугунной лесенке они забрались наверх и через мгновение стояли уже в удивительном просторном зале. Никаких колонн, единый полукруглый свод с яйцевидными углублениями под светильники. Свод огромный, обнимающий и платформу, и оба пути вместе со стоящими на них составами. Невероятное изящество конструкции – простой, небесно легкой, лаконичной... Только не смотреть вниз, не под ноги, не впереди себя.

Не видеть того, во что превращена станция теперь. Этот гротескный погост, где нельзя обрести покой, эти жуткие мясные ряды, заваленные обгрызенными скелетами, гниющими тушами, оторванными частями чьих-то туловищ. Мерзкие создания жадно тащили сюда все, до чего могли дотянуться в пределах своих обширных владений, больше, чем могли сожрать сразу, про запас. Запасы эти тухли и разлагались, но их все равно копили, копили бесконечно.

Кучи мертвого мяса против всех законов шевелились, будто дышали, и отовсюду вокруг раздавался противный скребущий звук. Луч поймал одну из странных фигур: длинные узловатые конечности, дряблая, висящая складками, безволосая серая кожа, перекошенная спина... Мутные глаза подслеповато лупают, огромные ушные раковины движутся, живут своей жизнью.

Существо издало сиплый крик и неторопливо затрусило к распахнутым вагонным дверям, перебирая всеми четырьмя ногами-руками. С остальных куч так же лениво стали слезать другие трупоеды, недовольно сипя и всхлипывая, щерясь и огрызаясь на путников.

Выпрямившись, они едва ли доходили до груди даже невысокому Гомеру, к тому же он прекрасно знал, что трусливые твари не должны нападать на сильного, здорового человека. Но иррациональный ужас, который Гомер испытывал перед этими созданиями, рос из его ночных кошмаров: он, ослабевший, покинутый, лежал один на заброшенной станции, а бестии подбирались все ближе. Как

акулы в океане за километры слышат запах капли крови, так эти существа чувствовали чужую приближающуюся смерть и спешили освидетельствовать ее.

Старческие страхи, презрительно говорил себе Гомер, в свое время начитавшийся учебников по прикладной психологии. Если бы только это помогало.

Трупоеды же людей не боялись: тратить патроны на отталкивающих, но вроде бы безвредных пожирателей падали на Севастопольской посчитали бы преступным расточительством. Проходящие мимо караваны старались не обращать на них внимание, хотя порой трупоеды вели себя вызывающе.

Здесь их расплодилось великое множество, и по мере того, как тройка продвигалась все глубже, с противным хрустом давя сапогами чьи-то мелкие косточки, разбросанные по полу, все новые и новые твари нехотя отрывались от пиршества и разбредались по укрытиям. Гнездовища у них располагались в поездах, и за это Гомер ненавидел их еще больше.

Гермозатворы на Нахимовском проспекте были открыты. Считалось, что если двигаться через Проспект быстро, доза облучения была небольшой и здоровью не угрожала, но останавливаться тут запрещалось. Так и получилось, что оба состава относительно хорошо сохранились: стекла целы, сквозь проемы дверей видны загаженные сиденья, синяя краска и не думала облезать с железных боков.

Посреди зала высился настоящий курган, сложенный из перекрученных остовов неведомых созданий. Поравнявшись с ним, Хантер вдруг остановился. Ахмед и Гомер тревожно переглянулись, пытаясь определить, откуда может исходить опасность. Но причина задержки оказалась иной.

У подножия, смачно хрупая и урча, два небольших трупоеда обдирали собачий скелет. Спрятаться они не успели: то ли, слишком увлекшись трапезой, не вняли сигналам своих сородичей, то ли не смогли перебороть свою жадность.

Щурясь в режущем свете бригадирского фонаря, они, продолжая жевать, начали медленно отступать к ближайшему вагону, но вдруг один за другим кувырнулись и глухо, как два мешка с требухой, шлепнулись на пол.

Гомер удивленно смотрел на Хантера, который убирал в подплечную кобуру тяжелый армейский пистолет, удлинённый цилиндром глушителя.

Лицо его оставалось таким же непроницаемым, неживым, как и обычно.

– Голодные, наверное, очень были, – пробормотал себе под нос Ахмед, с безразличным интересом разглядывая темные лужи, растекавшиеся от раздробленных черепов убитых тварей.

– Я тоже, – вдруг невнятно отозвался бригадир, заставив Гомера вздрогнуть.

Не оборачиваясь на остальных, Хантер двинулся вперед, а старику почудилось, что он снова слышит стихшее было жадное урчание. С каким трудом каждый раз он сам одолевал соблазн выпустить в этих гадин пулю! Уговаривал себя, успокаивал и в конце концов одерживал верх, доказывал себе, что он зрелый человек, умеющий обуздать свои кошмары, не дать им свести себя с ума. Хантер же, видимо, и не собирался бороться со своими желаниями.

Но что это были за желания?

Неслышная гибель двух членов стаи подхлестнула остальных трупоедов: почуяв свежую смерть, даже самые храбрые и ленивые из них убрались с платформы, еле слышно хрипя и поскуливая. Набившись в оба поезда, они облепили окна и, столпившись в дверях вагонов, притихли.

Злобы или желания отомстить, отразить нападение эти создания не проявляли. Стоит отряду покинуть станцию, они немедленно сожрут своих убитых сородичей. «Агрессия свойственна охотникам, – подумал Гомер. – Тем, кто питается падалью, в ней нет нужды, как нет необходимости убивать. Все живое рано или поздно умирает само. Умерев, оно все равно станет их пищей. Нужно просто подождать».

В свете фонаря сквозь грязные зеленоватые стекла были видны приставшие к ним с обратной стороны мерзкие морды, криво скроенные тела, когтистые руки, беспокойно ощупывающие изнутри этот сатанинский аквариум. В полном безмолвии сотни пар тусклых глаз неотступно следили за проходившим мимо отрядом, и головы созданий поворачивались с поразительной синхронностью, провожая его долгим внимательным взглядом. Так смотрели бы на посетителей

кунсткамеры запертые в формалиновых колбах уродцы, если бы им предусмотрительно не зашили веки.

Несмотря на приближающийся час расплаты за безбожие, Гомер так и не смог заставить себя поверить ни в Господа, ни в дьявола. Но если бы Чистилище существовало, для старика оно приняло бы именно такую форму. Сизиф был обречен на борьбу с тяготением, Тантал приговорен к пытке неутолимой жаждой. Гомера же на станции его смерти ожидал мятый китель машиниста и этот чудовищный призрачный поезд с отвратительными пассажирами-горгульями, насмешка мстительных богов. И после отправления состава с платформы туннель, как в одной из старинных легенд метро, сомкнется в ленту Мебиуса, в дракона, пожирающего свой хвост.

Хантера эта станция и ее обитатели больше не интересовали. Остаток зала отряд преодолел скорым шагом: Ахмед и Гомер еле поспевали за сорвавшимся с места бригадиром.

Старика подмывало обернуться, закричать, выстрелить – спугнуть это обнаглевшее отродье, отогнать тяжелые мысли. Но вместо этого он семенил, опустив голову и сосредоточившись на том, чтобы не наступить на чьи-нибудь догнивающие останки. Понурился и Ахмед, занятый своими думами. И в этом их безоглядном бегстве с Нахимовского проспекта никто уже не думал осматриваться вокруг.

Пятно света от фонаря Хантера суетливо летало из стороны в сторону, словно следуя за неким невидимым гимнастом под куполом этого зловещего цирка, но и бригадир уже не обращал внимания на то, что оно цепляло.

В луче мелькнули на долю секунды и тут же сгнули во мраке никем не замеченные, свежие кости и не до конца еще обглоданный череп – явно человеческий. Рядом бесполезной скорлупой валялись стальная солдатская каска и бронежилет.

На облезлом зеленом шлеме по трафарету было белой краской выведено: «Севастопольская».

Глава четвертая

Сплетения

– Папа... Папа, это я, Саша!

Она осторожно ослабила брезентовый ремешок, перетягивающий страшно распухший подбородок, и сняла с отца каску. Запустила пальцы в его взопревшие волосы, поддела резину, стянула и отбросила противогаз, похожий на скукожившийся, мертвенно-серый скальп. Его грудь тяжело вздымалась, пальцы скребли гранит, водянистые глаза не мигая уставились на нее. Он не отвечал.

Подложив ему под голову ранец, Саша бросилась к воротам. Уперлась худеньким плечом в огромную створку, вдохнула глубоко-глубоко и скрипнула зубами. Многотонная железная глыба нехотя поддалась, поплыла и с кряхтением встала на место. Саша лязгнула засовом и сползла на пол. Только минуту, всего одну минуту – перевести дух, и она тут же вернется к нему.

Каждый новый поход обходился ее отцу все дороже, и скудная добыча, с которой он возвращался, не могла окупить потерянных сил. Из-за этих вылазок он расходовал остатки своей жизни не днями, а неделями, месяцами. Вынужденное мотовство: если у них не будет ничего на продажу, им останется сожрать только свою ручную крысу – единственную на этой гиблой станции, а потом застрелиться.

Саша хотела сменить отца. Она столько раз просила у него респиратор, чтобы самой подняться наверх, но он был непреклонен. Знал, наверное, что толку от прохудившегося противогаза с давно забитыми фильтрами не больше, чем от любого другого талисмана. Но ей никогда в этом не признавался. Лгал, что умеет чистить фильтры, лгал, что хорошо себя чувствует даже после часовой «прогулки», лгал, что просто хочет побыть один, когда боялся, что она увидит, как его рвет кровью.

Не в Сашиных силах было что-то изменить. Их с отцом загнали в этот угол и не стали добивать скорее из издевательского любопытства, чем из жалости. Думали, они не продержатся и неделю, но отцовской воли и закалки хватило на годы. Их ненавидели и презирали, но регулярно подкармливали – разумеется, не бесплатно.

В перерывах между походами, в те редкие минуты, когда они вдвоем сидели у чахлого, чадающего костерка, отец любил говорить о том, что было раньше. Вот уже несколько лет, как он понял, – нет смысла врать хотя бы себе: будущего у него нет. Зато уж прошлого у него не мог отнять никто.

«Раньше у меня были глаза такого же цвета, как твои, – говорил ей отец. – Цвета неба». И Саше казалось, что она помнит эти дни – дни, когда опухоль еще не вздулась у него на шее огромным зобом, когда глаза его еще не выцвели и были такие же яркие, как у нее сейчас.

Когда отец говорил «цвета неба», он, конечно, имел в виду лазурное небо, еще жившее в его памяти, а не то багровое, клубящееся, под которым он оказывался, по ночам поднимаясь вверх. Дневного света он не видел уже добрых двадцать лет. Саша не видела его никогда. Только в снах, но разве можно точно сказать, правильно ли она себе его воображала? Похож ли на наш тот мир, что видят во сне слепые от рождения люди? И видят ли они хотя бы во сне?

* * *

Маленькие дети, зажмуриваясь, думают, что тьма накрыла весь мир. Думают, что все остальные вокруг в этот миг слепы так же, как они. «Человек в туннелях беспомощен и наивен, как те дети», – думал Гомер. Он сколько угодно может считать себя повелителем света и тьмы, щелкая своим фонариком, но даже самая непроницаемая темнота вокруг способна оказаться полной зрячих глаз.

И сейчас, после встречи с падальщиками, эта мысль не отпускала его. Отвлечься, надо отвлечься.

«Как странно, что Хантер не знал, чего ему ждать на Нахимовском», – подумал Гомер. Когда бригадир впервые появился на Севастопольской два месяца назад, никто из дозорных не смог объяснить, каким образом человек такого могучего

сложения сумел незамеченным преодолеть все посты, выставленные в северных туннелях. Хорошо, что командир периметра так и не потребовал от дежурных этих объяснений.

Но если не через Нахимовский проспект, то как же Хантер попал на Севастопольскую? Остальные пути в большое метро были давно отрезаны. Зброшенная Каховская линия, в туннелях которой по известным причинам вот уже долгие годы не наблюдалось ни единой живой твари, исключалась. Чертановская? Смешно и предполагать, что даже столь умелый, беспощадный боец мог бы в одиночку пробиться через проклятую станцию, да и попасть туда, не объявившись прежде на Севастопольской, было невозможно.

Исключив север, юг и запад, Гомеру оставалось только допустить, что таинственный визитер прибыл на их станцию сверху. Разумеется, все известные входы и выходы на поверхность были тщательно задраены и держались под присмотром, но... Мог же он, к примеру, вскрыть запертую вентиляционную шахту. Севастопольцы не ждали, что среди выжженных руин панельных многоэтажек все еще может объявиться кто-то достаточно разумный, чтобы отключить их систему сигнализации.

Бескрайняя шахматная доска микрорайонов, прореженных обломками падавших на город боеголовок, давным-давно опустела, брошенная последними игроками десятилетия назад. Те уродливые, пугающие фигуры, что сами сползались теперь на нее, разыгрывали новую партию уже по своим правилам. Человеку нечего было и мечтать о матче-реванше.

Короткие вылазки в поисках всего ценного, что не успело истлеть за двадцать с лишним лет, эти поспешные и стыдливые попытки мародерства в собственных домах – единственное, на что людям хватало сил. Закованные в латы радиационной защиты, сталкеры поднимались наверх, чтобы в сотый раз обшарить скелеты близлежащих хрущевок, но никто из них не решался дать решительный бой их нынешним хозяевам. Можно было разве что огрызнуться автоматной очередью, пересидеть в загаженных крысами квартирах, а как только опасность минует – стремглав броситься к спасительному спуску в подземелье.

Старые карты столицы давно утратили какое-либо отношение к действительности. Там, где прежде пролегали забитые километровыми пробками проспекты, теперь могли зиять пропасти или чернеть непроходимые

заросли. Жилые кварталы сменились трясинами или опаленными проплешинами. Самые отчаянные из сталкеров отваживались исследовать поверхность в километровом радиусе от родных нор, прочие довольствовались куда меньшим.

Лежащие за Нахимовским проспектом станции Нагорная, Нагатинская и Тульская не имели своих выходов, да и люди, жившие на двух из них, были слишком робки, чтобы подниматься вверх. Откуда среди этой глуши мог взяться живой человек, для Гомера было совершенной загадкой. И все же он хотел думать, что Хантер явился на их станцию именно с поверхности.

Потому что был еще один, последний вариант, откуда мог пожаловать их бригадир. Вариант этот пришел в голову старому безбожнику против его воли, пока он старался унять одышку и поспеть за стремительно летящим вперед, будто вообще не касаясь земли, темным силуэтом.

Снизу?

– Плохое предчувствие у меня, – протянул Ахмед негромко – ровно так, чтобы Гомер его услышал, а чуть оторвавшийся от них бригадир – нет. – Не вовремя мы пошли. Уж можешь мне поверить, сколько раз тут с караванами был. На Нагорной нехорошо сегодня...

Мелкие шайки грабителей, отдохавших от разбоя на темных полустанках подальше от Кольца, давно уже не осмеливались приближаться к севастопольским караванам. Заслышав слаженное громохание подкованных сапог, возвещавшее о приближении тяжелой пехоты, они могли мечтать только об одном: как можно быстрее убратся с дороги.

Нет, не из-за них и не из-за четырехруких стервятников с Нахимовского проспекта эти караваны всегда так хорошо охранялись. Железная выучка и бесстрашие, способность в считанные секунды сомкнуться в стальной кулак и изничтожить любую осязаемую угрозу шквальным огнем делали бы севастопольские конвои безраздельными властителями туннелей от собственных блокпостов до самой Серпуховской... Если бы не Нагорная.

Нахимовский с его страхами оставался позади, но ни Гомер, ни Ахмед ни на миг не почувствовали облегчения. Станция Нагорная, неприятная и невзрачная, стала конечной для многих путников, отнесшихся к ней без

должного внимания. Бедолаги, оказавшиеся случайно на соседней Нагатинской, жались подальше от жадного зева туннеля, уходящего на юг, к Нагорной. Словно это могло их уберечь... Словно то, что выходило на жатву из южного туннеля, поленилось бы прокрасться чуть дальше, чтобы выбрать добычу себе по вкусу.

Пробираясь через Нагорную, приходилось полагаться только на везение, потому что никаких закономерностей эта станция не признавала. Иной раз молчаливо позволяла пройти мимо, припугивая только кровавыми отпечатками на стенах и рифленых железных колоннах, будто кто-то отчаянно пытался залезть по ним повыше в надежде спастись. И через считанные минуты после этого могла оказать следующей группе такой прием, что потеря половины товарищей казалась тем, кто выжил, победой.

Она не могла насытиться. У нее не было любимчиков. Она не поддавалась изучению. Нагорная представлялась жителям всех окрестных станций воплощением произвола судьбы. И она была главным испытанием для тех, кто решался отправиться от Кольца к Севастопольской – и обратно.

– Вряд ли одна Нагорная могла это сделать, – суеверный, как и многие другие севастопольцы, Ахмед предпочитал говорить об этой станции как о живом существе.

Гомеру не было нужды переспрашивать, уточнять – он и сам сейчас думал о том, могла ли Нагорная поглотить исчезнувшие караваны и всех разведчиков, посланных на их поиски.

– Всякое случалось, но чтобы столько народу сразу пропало... – поддакнул он. – Подавилась бы...

– Зачем так говоришь? – Ахмед зло цыкнул на него, то ли всплеснув в расстройстве рукой, то ли еле сдержав подзатыльник, на который болтливый старик явно напросился. – Тобой-то уж точно не подавится!

Гомер смолчал, придержав обиду. Он-то не верил в то, что Нагорная могла услышать их и затаить злобу. По крайней мере, не на таком расстоянии... Предрассудки, все предрассудки! Почитать всех идолов подземелья – дело обреченное, кому-нибудь да отдавишь мозоль. По этому поводу Гомер уже давно

не переживал, но у Ахмеда были свои соображения.

Поддев в кармане бушлата четки, сделанные из тупых пистолетных пуль, он завертел в грязной ладони карусель из свинцовых болванчиков и зашлепал губами, замаливая перед Нагорной Гомеровы грехи на своем языке. Но, похоже, станция его не понимала, или приносить извинения уже было поздно.

Хантер, уловив что-то своим сверхъестественным чутьем, махнул затянутой в перчатку ладонью, гася скорость, и мягко опустился на землю.

– Там туман, – обронил он, втягивая ноздрями воздух. – Что это?

Гомер переглянулся с Ахмедом. Оба понимали, что это означало: охота открыта, и достичь живыми северных рубежей Нагорной будет для них теперь необыкновенной удачей.

– Как тебе сказать, – откликнулся нехотя Ахмед. – Это она дышит...

– Кто? – сухо поинтересовался у него бригадир и стряхнул с плеча рюкзак, видимо, рассчитывая подобрать в своем арсенале подходящий калибр.

– Станция Нагорная, – перешел на шепот тот.

– Посмотрим, – презрительно скривился Хантер.

Но нет, Гомеру только почудилось, что обезображенное лицо бригадира ожило; на самом же деле оно оставалось недвижимым, как и всегда, – просто свет так упал.

Через сотню метров остальные тоже увидели это: ползущую им навстречу по грунту тяжелую белесую дымку, сначала пробующую на вкус их сапоги, потом обвивающую их колени, заливающую туннель по поясу... Они словно медленно входили в призрачное море, холодное и неласковое, с каждым шагом спускаясь все глубже по обманчиво-полотому дну, пока не погрузились в его мутные воды с головой.

Видно было скверно. Лучи фонарей вязли в этом странном тумане, словно мухи в паутине: прорвавшись всего на несколько шагов вперед, выбивались из сил, обмякали и повисали в пустоте – пойманные, вялые, покорные. Звуки долетали трудно, как сквозь перину, и даже движения давались сложнее, будто отряд действительно ступал не по шпалам, а по донному илу.

Дышать тоже становилось тяжелее – но не из-за влажности, а из-за непривычного терпкого привкуса, который появился здесь у воздуха. Впускать его в легкие не хотелось: не оставляло ощущение, что действительно вбираешь в себя дыхание кого-то огромного, чужого, вытянувшего из воздуха весь кислород и напавшего его своими ядовитыми испарениями.

Гомер на всякий случай снова уткнулся в респиратор. Хантер, скользя по нему взглядом, запустил пятерню в холщовую подплечную сумку, оттянул жгут и прилепил поверх своей обычной маски новую, резиновую. Без противогаза оставался только Ахмед, который то ли не успел взять его с собой, то ли пренебрег им...

Бригадир вновь застыл, наведя свое рваное ухо на Нагорную, но сгустившаяся белая мгла мешала ему разобрать доносящиеся со станции обрывки звуков, составить из них целую картину. Вроде бы повалилось неподалеку что-то грузное, ухнул протяжно кто-то на слишком низкой для человека, да и для любого животного ноте. Истерически заскрежетало железо, как если бы чья-то рука сворачивала узлом одну из толстых труб, стелющихся вдоль стен.

Хантер тряхнул головой, будто очищаясь от приставшей грязи, и место короткого пистолета-пулемета в его руках занял армейский «калашников» со сдвоенным рожком и подствольным гранатометом.

– Наконец-то, – пробормотал он себе под нос.

Они даже не сразу сообразили, что вступили на саму станцию. Нагорная была затоплена туманом, густым как свиное молоко, и Гомеру, глядевшему на нее сквозь запотевшие стеклышки противогаза, казалось, что он – аквалангист, проникший на борт погибшего океанского лайнера.

Сходство дополняли украшавшие стены чеканные панно: морские чайки, выдавленные в металле суровым и бесхитростным советским штампом. Более

всего они походили на отпечатки ископаемых организмов, обнаруженные в сколотой породе. «Окаменелость – вот удел и человека, и его творчества, – мелькнула у Гомера мысль. – Только вот кто откопает?»

...Стоявшее вокруг марево жило – перетекало, подрагивало. Иногда в нем проступали темные сгустки – вначале виделось: искореженный вагон или ржавая будка дежурного, потом – чешуйчатое туловище или голова мифического чудища. И Гомеру страшно было даже вообразить, кто мог захватить кубрики и облюбовать каюты первого класса за десятилетия, прошедшие со дня крушения. Он многое слышал о том, что происходило на Нагорной, но никогда не сталкивался лицом к лицу с...

– Вон оно! Там, справа! – заорал Ахмед, дергая старика за рукав.

Хлопнул придушенный самодельным глушителем выстрел.

Гомер крутанулся с непозволительной для своего ревматизма резвостью, но отупевший фонарь высветил лишь кусок обшитой металлом ребристой колонны.

– Сзади! Вон, сзади! – Ахмед дал короткую очередь.

Однако его пули только крошили остатки мраморных плит, которыми были когда-то облицованы стены станции. Чьи бы очертания Ахмед ни углядел в зыбком мороке, оно растворилось в нем неведимым.

«Надышался», – подумал Гомер.

И тут самым краешком глаза уловил что-то... Гигантское, сгибающееся под слишком низким четырехметровым потолком станции, невообразимо проворное для своего исполинского роста, вынырнувшее из тумана на самой границе видимости и канувшее обратно, прежде чем старик успел навести на него автомат.

Гомер беспомощно оглянулся на бригадира...

Того нигде не было.

* * *

– Ничего. Ничего. Не бойся, – останавливаясь и отдыхая между словами, утешал ее отец. – Знаешь... Где-то в метро есть люди, которым сейчас куда страшнее...

Он попробовал улыбнуться – вышло жутко, будто у черепа отвалилась челюсть. Саша улыбнулась в ответ, но по острой скуле, измазанной в копоты, попозла соленая росинка. По крайней мере, отец пришел в себя – после нескольких долгих часов, за которые она успела уже все передумать.

– На этот раз совсем неудачно, ты уж прости, – говорил он. – Решил все-таки дойти до гаражей. Далековато оказалось. Нашел один нетронутый. Замок из нержавеющей стали, в масле. Сломать не получилось, привязал заряд, последний. Надеюсь, машина будет, запчасти. Рванул, открываю – пусто. Вообще ничего. Зачем запирали, сволочи? А грохоту сколько... Молился, чтобы никто не услышал. Выхожу из гаража – вокруг псы. Думал, все... Думал, все.

Отец смежил веки и умолк. Встревоженная, Саша схватила его за руку, но он, не открывая глаз, еле заметно покачал головой – не волнуйся, все в порядке. Сил не хватало даже говорить, а он хотел отчитаться, ему нужно было объяснить, почему он вернулся с пустыми руками, почему ближайшую неделю, пока он не встанет на ноги, им придется туго. Не успел, забылся сном.

Саша проверила наложенную на его разорванную голень повязку, уже размокшую от черной крови, сменила нагретый компресс. Распрямилась, подошла к крысиному домику, приоткрыла дверцу. Зверек недоверчиво выглянул наружу, спрятался было, но потом, делая Саше одолжение, все же выбрался на платформу размяться. Крысу чутье никогда не подводило: в туннелях все было тихо. Успокоенная, девушка вернулась к лежанке.

– Ты обязательно встанешь, ты будешь ходить снова, – шептала она отцу. – И ты найдешь гараж, в котором будет целая машина. И мы поднимемся вместе, сядем в нее и уедем далеко отсюда. За десять, за пятнадцать станций. Туда, где нас не знают, где мы будем чужаками. Где нас никто не будет ненавидеть. Если такое место где-нибудь есть...

Она пересказывала ему волшебную сказку, которую столько раз слышала от него. Повторяла слово в слово, и сейчас, сама произнося эту старую отцовскую

мантру, верила в нее стократ сильнее. Она выходит его, она его вылечит. В этом мире есть место, где всем на них будет наплевать.

Место, где они смогут быть счастливы.

* * *

– Вот же оно! Вот! На меня смотрит!

Ахмед визжал так, будто его уже схватили и волокут; так, как никогда не позволял себе кричать. Снова зашелся и захлебнулся автомат; Ахмед, окончательно изменивший своему обычному спокойствию, тряся, пытаюсь вставить в паз полный рожок.

– Оно меня выбрало... Меня...

Где-то неподалеку деловито фыркнул другой автомат, утих на секунду и опять еле слышно застрекотал рубленными по три выстрела очередями.

Хантер все еще был жив, значит, и у них оставалась надежда. Хлопки то отдалялись, то приближались, но невозможно было сказать, находили ли пули свои цели. Гомер, ожидавший услышать разъяренный рев раненого монстра, зря напрягал слух. Станция была погружена в тягостное молчание; ее загадочные хозяева казались либо бесплотными, либо неуязвимыми.

Бригадир теперь вел свой странный бой на другом краю платформы – там вспыхивал и гас огненный пунктир трассирующих пуль. Упоенный схваткой с призраками, он обрекал своих подопечных.

Гомер перевел дух и задрал голову. Желание сделать это не отступало уже несколько долгих мгновений, и он наконец осторожно поддался ему. Кожей, макушкой, волосками на шее он слишком ясно ощущал на себе взгляд – холодный, давящий – и больше не мог противиться своим предчувствиям.

...Под самым потолком, высоко над их головами, во мгле парила еще одна голова. Настолько огромная, что Гомер не сразу осознал даже, что именно он перед собой видит. Тело исполина оставалось скрытым во мраке станции, и

только его чудовищная морда, покачиваясь, нависала над крохотными людишками, оцетинившимися своим никчемным оружием, не торопясь с нападением, зачем-то давая им небольшую отсрочку.

Онемевший от ужаса старик покорно опустил на колени; жалко звякнул о рельс вывалившийся из рук автомат. Завопил, раздирая глотку, Ахмед. Создание неспешно подалось вперед, и все видимое пространство перед ними заполнило темное, огромное как утес тело. Гомер закрыл глаза, готовясь, прощаясь... И думал, и жалел он только об одном. Буравила, ела сознание горькая мысль: «Не успел!»

Но тут харкнул пламенем подствольник, по ушам хлестнула взрывная волна, оглушая и оставляя после себя бесконечный тонкий свист, посыпались ошметки горелого мяса. Ахмед, первым справившийся с собой, дернул старика за шиворот, поставил его на ноги и потащил за собой.

Они бежали вперед, спотыкаясь о шпалы и поднимаясь снова, не чувствуя боли. Держались друг за друга, потому что сквозь белесое марево нельзя было ничего разглядеть и на расстоянии вытянутой руки. Мчались так, как если бы им грозила не просто смерть, а нечто неизмеримо более страшное – окончательное, бесповоротное развоплощение, уничтожение и тел, и душ.

Невидимые и почти неслышные, но отстающие всего на шаг, демоны следовали за ними, сопровождая, но не атакуя, словно играя, давая иллюзию спасения.

Потом колотый мрамор стен сменился туннельными тубингами: им удалось выбраться с Нагорной! И стражи станции, будто до предела натянув цепи, на которые были посажены, остались позади. Но останавливаться было рано... Ахмед шагал первым, касаясь настенных труб, нащаривая путь вперед, и понукал запинающегося, то и дело норовившего присесть старика.

– А что с бригадиром? – прохрипел Гомер, на ходу срывая душащий его противогаз.

– Туман кончится – встанем, подождем. Скоро уже должно быть, совсем скоро! Метров двести осталось... Выйти из тумана. Главное – выйти из тумана, – твердил Ахмед свое заклинание. – Буду шаги считать...

Ни через двести, ни через триста шагов окутывающее их марево не стало реже. «Что, если оно расползлось до самой Нагатинской, – думал Гомер. – Что, если оно уже пожрало и Тульскую, и Нахимовский?»

– Не может быть... Должен... Немного осталось... – в сотый раз пробубнил Ахмед и вдруг застыл на месте.

Гомер с ходу налетел на него, и оба повалились наземь.

– Стена кончилась, – Ахмед ошарашенно гладил шпалы, рельсы, сырой и шершавый бетон пола, словно опасаясь, что земля вот-вот так же предательски исчезнет у него из-под ног, как только что в никуда провалилась другая опора.

– Да вот же она, что с тобой? – Гомер нащупал уклон тюбинга, ухватился за него и осторожно поднялся.

– Прости... – Ахмед помолчал, собираясь с мыслями. – Знаешь, там на станции... Я думал, никогда уже с нее не уйду. Оно так смотрело на меня... На меня смотрело, понимаешь. Оно решило меня взять. Я думал, навеки там останусь. И не похоронят.

Слова давались ему трудно, он долго не хотел выпускать их, стыдился своих бабьих воплей – и пытался их оправдать, и знал, что оправдания им быть не может. Гомер покачал головой.

– Брось. Я-то штаны вообще намочил, и что мне теперь? Пошли, сейчас уже и в самом деле близко должны быть.

Погоня отозвана, можно отдышаться. Да они и не могли больше бежать и теперь брели, так же подслеповато цепляясь за стены, шаг за шагом приближаясь к избавлению. Самое жуткое было позади, и пусть морок пока отказывался отступить, но рано или поздно хищные туннельные сквозняки покусуют его, разорвут и уволочут по клочьям в вентиляционные колодцы. Рано или поздно они выйдут к людям и дождутся там своего задержавшегося командира.

Это случилось даже раньше, чем они могли надеяться, – может быть, потому, что в тумане и время, и пространство искажались? Попозла вдоль стены чугунная

лесенка – подъем на платформу, круглое сечение туннеля сменилось прямоугольным, между рельсами появилась ложбинка-укрытие для упавших на пути пассажиров.

– Смотри-ка... – прошептал Гомер. – Кажется, станция! Станция!

– Эй! Есть тут кто? – что было сил заорал Ахмед. – Братки! Есть кто? – его разбирал бессмысленный, торжествующий смех.

Пожелтевший, изможденный свет фонарей проявлял в мгlistой тьме обгрызенные временем и людьми настенные мраморные плиты; ни одна из цветных мозаик, гордости Нагатинской, не уцелела. И что случилось с облицованными камнем колоннами? Неужели...

Хоть Ахмеду никто не отвечал, он не отчаивался и продолжал взывать, веселиться: ясное дело, испугались тумана и сбежали подальше; но его-то этим уже не возьмешь. А Гомер все искал что-то беспокойно на стенах, облизывал их тускнеющим лучом, холодея от подозрений.

И вот наконец нашел – железные буквы, вкрученные в треснувший мрамор.

«НАГОРНАЯ».

* * *

Ее отец верил: возвращения никогда не бывают случайны. Возвращаются, чтобы изменить что-то, чтобы что-то исправить. Иногда сам Господь ловит нас за шкуру и возвращает в то место, где мы случайно ускользнули из-под его ока, чтобы исполнить свой приговор – или дать нам второй шанс.

Поэтому, объяснял отец, он никогда не сможет вернуться из изгнания на их родную станцию. У него не было больше сил, чтобы мстить, бороться, доказывать. Ему давно не нужно ничье раскаяние. В той старой истории, что стоила ему всей прежней жизни и чуть не стоила жизни вообще, каждый получил по заслугам, говорил он. Так получалось, что они обречены на вечную ссылку – исправлять Сашин отец ничего не хотел, а Господь на эту станцию не заглядывал.

План спасения – найти на поверхности не сгнившую за десятилетия машину, починить ее, заправить и вырваться из очерченного судьбой запретного круга – давно превратился в сказку на ночь.

Для Саши был еще один путь назад, в большое метро. Когда она в условленные дни выходила к мосту, чтобы выменять починенные кое-как приборы, потемневшие украшения, заплесневелые книги на еду и несколько патронов, случалось, ей предлагали куда большее.

Высвечивая прожектором с дрезины ее чуть угловатую, мальчишескую фигурку, челноки перемигивались и причмокивали, подзывали и обещали. Девчонка казалась дикой – молча глядела на них исподлобья, напряженная, спрятав за спину длинный клинок. Просторный мужской комбинезон не мог смазать ее дерзко вычерченные линии. Грязь и машинное масло на лице заставляли ее голубые глаза сиять ярче, так ярко, что некоторые отводили взгляд. Белые волосы, безыскусно обрезанные тем самым ножом, который был всегда зажат в ее правой руке, еле прикрывали уши, прикушенные губы никогда не улыбались.

Быстро сообразив, что подачками волка прикормить невозможно, люди с дрезины пытались подкупить ее свободой, но она ни разу не ответила им. Они посчитали, что девчонка безъязыка. Так было даже проще. Саша прекрасно понимала: на что бы она ни согласилась, ей не купить два места на дрезине. К ее отцу у других слишком много счетов, и оплатить их невозможно.

Безликие и гундосые в своих черных военных противогазах, они не были для нее просто врагами – она не находила в них ничего человеческого, ничего, что могло бы заставить ее замечтаться хотя бы ночью, хотя бы во сне.

Поэтому она просто клала на шпалы телефоны, утюги, чайники, отходила на десять шагов назад и ждала, пока челноки заберут товар и швырнут на пути свертки с вяленой свининой и назло рассыпят пригоршню патронов – поглядеть, как она будет, ползая, собирать их.

Потом дрезина медленно отчаливала и уходила в настоящий мир, а Саша разворачивалась и шла домой, где ее ждала гора поломанных приборов, отвертка, паяльник и превращенный в динамо-машину старый велосипед. Она седлала его, закрывала глаза и мчалась далеко-далеко, почти не думая о том, что никогда не тронется с места. И то, что она сама приняла решение отказаться

от помилования, придавало ей сил.

* * *

Какого дьявола?! Каким образом их снова занесло сюда? Гомер лихорадочно пытался найти объяснения случившемуся. Ахмед вдруг заткнулся – увидел, куда светит Гомер своим фонарем.

– Она не отпускает меня... – севшим, почти неслышным голосом протянул он.

Обступившая их мгла сгустилась настолько, что они еле видели друг друга. Задремавшая в отсутствие людей, теперь Нагорная очнулась: тяжелый воздух отзывался на их слова неуловимыми колебаниями, и неясные тени пробуждались в ее глубине. И никаких следов Хантера... Существо из плоти и крови нельзя победить в сражении с фантомами. Как только станции надоело играть с ним, она обволокла его своим едким дыханием и переварила заживо.

– Ты уходи, – обреченно выдавил Ахмед. – Это я нужен. Ты не знаешь, ты здесь редко бываешь.

– Хватит чушь молоть! – неожиданно для самого себя громко рявкнул на него старик. – Просто в тумане заплутали. Пошли обратно!

– Мы не сможем уйти. Как ни беги, обратно вернешься, если со мной будешь. Один прорвешься. Уходи, прошу.

– Все, довольно! – Гомер схватил Ахмеда за кисть и потянул за собой, к туннелю. – Через час меня благодарить будешь!

– Передай моей Гуле... – начал тот.

И невероятная, чудовищная сила вырвала его руку из руки Гомера – резко вверх, в туман, в небытие. Он не успел вскрикнуть – просто исчез, будто в миг распался на атомы, будто никогда и не существовал. За него истошно завопил старик – словно обезумев, кружась вокруг своей оси, растрачивая драгоценные патроны рожок за рожком. Потом на его затылок обрушился сокрушительный удар, какой мог нанести только один из здешних демонов, и Вселенная схлопнулась.

Глава пятая

Память

Саша подбежала к окну и распахнула ставни, впуская внутрь свежий воздух и робкий свет. Дощатый подоконник нависал прямо над бездонной пропастью, заполненной нежным утренним туманом. С первыми лучами солнца он рассеется, и из окна станет видно не только ущелье, но и поросшие соснами дальние горные отроги, и расстилающиеся меж ними зеленые луга, спичечные коробки рассыпанных в долине деревенских домов и гильзы колоколен.

Раннее утро было ее временем. Она предчувствовала восход и опережала солнце, просыпаясь за полчаса, чтобы успеть подняться на гору. За их хибаркой, небольшой, но вылизанной до блеска, теплой и уютной, вверх по склону змеилась каменистая тропа, окаймленная ярко-желтыми цветами. Крошка под ногами сползала вниз, и за несколько минут до вершины горы Саша иногда успевала упасть несколько раз, ссаживая колени.

Задумавшись, Саша вытерла рукавом подоконник, влажный от дыхания ночи. Ей снилось что-то мрачное, нехорошее, перечеркивающее всю ее беззаботную нынешнюю жизнь, но остатки беспокойных видений испарились с первым же прикосновением к ее коже легкого прохладного ветра. И сейчас ей было лень вспоминать, что так огорчило ее во сне. Нужно было торопиться на вершину, поприветствовать солнце, а после, скользя вниз по тропе, спешить домой – готовить завтрак и будить отца, собирать узелок ему в дорогу.

А потом целый день, пока он будет охотиться, Саша окажется предоставлена сама себе – и до ужина сможет гонять неповоротливых стрекоз и летающих тараканов среди луговых цветов, желтых как линкруст в вагонах.

Она прокралась на цыпочках по скрипучим половицам, приоткрыла дверь и тихонько засмеялась.

Вот уже несколько лет, как Сашин отец не видел на ее лице такой счастливой улыбки, и ему ужасно не хотелось ее будить. Нога затекла и онемела, кровь никак не останавливалась. Говорят, раны от укусов бродячих псов не заживают...

Позвать ее? Но его не было дома больше суток – прежде чем отправиться к гаражам, он решил забраться в панельный термитник в двух кварталах от станции, вскарабкался на шестнадцатый этаж и там потерял сознание. Все это время Саша не сомкнула глаз – дочь никогда не засыпала, пока он не возвращался с «прогулки». «Пусть отдохнет, – думал он. – Врут все. Ничего с ним не случится».

Хотелось бы ему знать, что именно она сейчас видит. У него самого почему-то не получалось забыться даже во сне. Лишь изредка подсознание отпускало его на пару часов на побывку в безмятежную юность. Обычно же ему приходилось скитаться среди знакомых мертвых домов с выскобленными внутренностями, и хорошим сном считался тот, в котором ему вдруг удавалось найти нетронутую квартиру, полную чудом уцелевшей техники и книг.

Засыпая, он просился в прошлое. Мечтал попасть хотя бы в ту пору, когда только встретился с Сашиной матерью, когда ему было всего двадцать, а он уже командовал гарнизоном станции. Станции, которая тогда казалась всем ее жителям лишь временным пристанищем, а не общим бараком на каторжных рудниках, где они отбывают пожизненное заключение.

Но вместо этого его швыряло в прошлое недалекое. В гущу событий пятилетней давности. В день, определивший его судьбу, – и, что еще страшнее, судьбу его дочери. Разумом он смирился и со своим поражением, и со ссылкой, но стоило тому задремать, как сердце принималось требовать реванша.

...Он снова стоял перед шеренгой своих бойцов с «калашниковым» наперевес, – в той ситуации из положенного ему по чину офицерского «макарова» можно было бы разве что застрелиться. Кроме двух десятков автоматчиков за его спиной, на станции больше не оставалось верных ему людей.

Толпа бурлила, прибывала, десятками рук раскачивала заграждения; нестройное многоголосье, повинувшись взмахам невидимой ему дирижерской палочки,

перерастало в слаженный хор. Пока они требовали всего лишь его отставки, но спустя минуты им будет нужна уже его голова.

Это была не стихийная демонстрация, тут действовали засланные извне провокаторы. Пытаться вычислить и ликвидировать их по одному уже не имело смысла. Единственное, что он мог сейчас сделать, чтобы остановить мятеж, чтобы удержать власть, – приказать открыть огонь по толпе. Было еще не поздно.

Его пальцы сжались вокруг незримой рукояти, зрачки беспокойно бегали под припухшими веками, губы шевелились, отдавая неслышные приказы. Черная лужа, в которой он лежал, разрасталась с каждой минутой, будто подпитывалась его уходящей жизнью.

* * *

– Где они?!

Выдернутый из темного озера забвения, Гомер затрепыхался, словно пойманный на блесну окунь, судорожно вдыхая и вперив в бригадира ополоумевший взгляд. Мутные громады сумеречных циклопов, стражей Нагорной, все еще толпились перед ним, тянули к нему длинные, многосуставчатые пальцы, способные без труда вырвать ногу или продавить ребра. Они окружали старика каждый раз, когда он закрывал глаза, и неспешно, нехотя рассеивались, когда открывал вновь.

Гомер попытался вскочить, но чужая рука, чуть сжимавшая его плечо, снова превратилась в тот стальной крюк, который вытянул его из кошмара. Постепенно умерив дыхание, он сфокусировался на иссеченном лице, на темных, масляным машинным блеском отсвечивающих глазах... Хантер! Живой? Старик осторожно повел головой влево, потом вправо, боясь снова обнаружить себя на заколдованной станции.

Нет, они находились посреди пустого, чистого туннеля – туман, застывший подступы к Нагорной, тут был почти невидим. Должно быть, Хантер тащил его на себе не меньше полукилометра, озадаченно прикинул Гомер. Успокоенный, он обмяк и повторил на всякий случай:

– Где они?

– Здесь никого нет. Ты в безопасности.

– Эти создания... Они напали на меня? Оглушили? – старик поморщился, потирая саднящий бугор на макушке.

– Я тебя ударил. Пришлось, чтобы прекратить истерику. Ты мог меня задеть.

Хантер наконец разжал тиски, туго распрямился и скользнул рукой по широкому офицерскому ремню. По другую сторону от кобуры со «стечкиным» на нем висел кожаный футляр неизвестного назначения. Бригадир щелкнул кнопкой и извлек из него плоскую медную фляжку. Взболтнул, открыл и, не предложив Гомеру, сделал большой глоток. Зажмурился на секунду, словно от удовольствия... Старик ощутил легкий холодок, видя, что левый глаз у бригадира даже не может толком закрыться.

– А где Ахмед? Что с Ахмедом? – вспомнил Гомер и его снова затрясло.

– Умер, – равнодушно сказал бригадир.

– Умер, – послушно повторил за ним старик.

Когда чудище вырвало руку товарища из его руки, он понял: из этих когтей не сможет вывернуться ни одна живая душа. Гомеру просто повезло, что выбор Нагорной пал не на него. Старик огляделся еще раз – поверить, что Ахмед исчез навсегда, сразу не выходило. Гомер уставился на свою ладонь – ободранную и кровоточащую. Не удержал. Ему не хватало воздуха.

– А ведь Ахмед знал, что обречен, – тихонько произнес он. – Почему именно его забрали, не меня?

– В нем много жизни было, – отозвался бригадир. – Они человеческими жизнями питаются.

– Несправедливо, – помотал головой старик. – У него дети маленькие, его столько тут держит! Держало... А я – перекати-поле.

– А ты бы стал мох жрать? – обрубил разговор Хантер, рывком поднимая Гомера на ноги. – Все, пойдем. Можем не успеть.

Семеня вслед за перешедшим на рысь Хантером, старик ломал себе голову: как же могло получиться, что они вернулись на Нагорную? Будто хищная орхидея, станция одурманила их своими миазмами и заманила обратно в себя. Назад они ни разу не поворачивали – за это Гомер мог ручаться. Он был уже готов поверить в искривления пространства, о которых сам так любил рассказывать легковым товарищам по дозору, но все оказалось куда проще.

Остановившись, старик хлопнул себя по лбу: пошерстный съезд! В нескольких сотнях метров за Нагорной между стволами правого и левого туннеля прорастала однокорейная ветка для разворота составов. Она уходила вбок под малым углом, и, идя вслепую по стенке, они просто сперва выбрались на параллельный путь, а потом – когда стена пропала – по ошибке снова свернули к станции. «Никакой мистики», – неуверенно подумал Гомер. Но нужно было прояснить еще кое-что.

– Эй! – окликнул он Хантера. – Постой!

Однако тот, будто глухой, продолжал маршировать вперед, и старику пришлось, борясь с одышкой, самому прибавить шаг. Поравнявшись, пытаясь заглянуть бригадиру в глаза, Гомер выпалил:

– Почему ты нас бросил?

– Я – вас? В бесстрастном, металлическом голосе старику послышалась усмешка, и он прикусил язык. Действительно, ведь это они с Ахмедом бежали со станции, оставив бригадира наедине с демонами...

Вспоминая, как яростно и как бесплодно Хантер сражался на Нагорной, Гомер никак не мог освободиться от впечатления, что обитатели станции просто не приняли боя, который он старался им навязать. Побоялись? Или почувствовали в нем родственную душу... Старик набрался храбрости: оставался еще один вопрос, самый непростой.

– Скажи, Хантер, там, на Нагорной... Тебя-то они почему не тронули?

Прошло несколько тягостных минут, – настаивать Гомер не отваживался, – прежде чем тот еле слышно дал ему короткий, угрюмый ответ.

– Побрезговали.

Красота спасет мир, шутил ее отец.

Саша краснела и прятала разрисованный пакетик из-под чайной крошки в нагрудный карман своего комбинезона. Пластиковый квадратик, вопреки всему хранивший далекий отголосок аромата зеленого чая, был ее главным сокровищем. А еще он был напоминанием о том, что Вселенная не ограничивалась безглавым туловищем их станции с четырьмя обрубками туннелей, закопанным на глубине двадцати метров в городе-кладбище Москве. И магическим порталом, способным переносить Сашу сквозь десятки лет и тысячи километров. И чем-то еще неизмеримо важным.

В здешнем сыром климате любая бумага, как чахоточная, стремительно увядала. Тлен и плесень изъедали не просто книги и журналы – они уничтожали само прошлое. Без изображений и хроник, как без костылей, хромая человеческая память спотыкалась и путалась.

Но пакетик был сделан из пластика, плесени и времени неподвластного. Отец как-то говорил Саше, что пройдет несколько тысячелетий, прежде чем он начнет разлагаться. Значит, ее потомки смогут передавать его по наследству, думала она.

Это была самая настоящая картина, пусть и миниатюрная. В золотой рамке, такой же яркой, как и в тот день, когда пакетик сошел с конвейера, был заключен вид, от которого у Саши перехватывало дыхание. Отвесные скалы, утопленные в мечтательной дымке, раскидистые сосны, цепляющиеся за почти вертикальные склоны, бурлящие водопады, обрушивающиеся с высоты в пропасть, алое зарево от вот-вот взойдущего солнца... Ничего прекраснее Саша в своей жизни не видела.

Она могла подолгу сидеть, расправив пакетик на ладони, любуясь им, и взор ее затягивался той же предрассветной дымкой, что окутывала далекие горы. И хоть она проглатывала все добытые отцом книги, прежде чем продать их за патроны, ей не хватало вычитанных там слов, чтобы описать ему, что именно

она чувствует, когда смотрит на сантиметровые скалы и дышит хвоей
рисованных сосен. Несбыточность этого воображаемого мира – и потому его
невероятную притягательность... Сладкую тоску и вечное предвкушение того,
что впервые увидит солнце... Нескончаемое перебирание – что же может
скрываться за дурацкой табличкой с названием чайной марки? Необычное
дерево? Орлиное гнездо? Лепящийся к склону домишко, в котором она могла бы
жить вместе с отцом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dmitriy-gluhovskiy/metro-2034-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)